

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

**ХАРЛАН
КОБЕН**

НЕ ОТПУСКАЙ

**Впервые
на русском!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Харлан Кобен Не отпускай

Серия «Звезды мирового детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42613824

Харлан Кобен Не отпускай:
ISBN 978-5-389-16661-5

Аннотация

В небольшом городке, где все друг друга знают, при невыясненных обстоятельствах погибают парень с девчонкой, ученики выпускного класса. Прошло пятнадцать лет, однако та трагедия все не дает покоя детективу Напу Дюма. Он не может принять ни одну из версий следствия, у него вообще не складывается целостная картина тех дней, когда его жизнь столь роковым образом переломилась. Ведь тогда он потерял не только своего бра-та-близнеца – ровно в тот же день неожиданно пропала его любимая девушка, и попытки найти ее ни к чему не привели. Но вдруг спустя столько лет отпечатки ее пальцев всплывают в деле об убийстве полицейского, по странному совпадению – некогда их общего одноклассника. И в старом школьном альбоме обнаруживается некая зацепка, которая может привести к очередным смертям...

Впервые на русском языке!

Содержание

От автора	6
Глава первая	18
Глава вторая	27
Глава третья	34
Глава четвертая	42
Глава пятая	55
Глава шестая	65
Глава седьмая	71
Глава восьмая	85
Глава девятая	94
Глава десятая	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Харлан Кобен

Не отпускай

Harlan Coben

DON'T LET GO

Copyright © 2017 by Harlan Coben

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest
Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского Григория Крылова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

© Г. А. Крылов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Энн

A Ma Vie de Coeur Entier¹

¹ Мое сердце отдано тебе на всю жизнь (*ст. – фр.*).

От автора

Я рос в штате Нью-Джерси, и в то время существовали две легенды о моем родном городке.

В одной из них говорилось, что в замке-особняке, защищенном металлическими воротами и вооруженной охраной, жил известный главарь мафии, а где-то за этим особняком имелась топка, которую, по всей вероятности, использовали как домашний крематорий.

Вторая легенда – та, что вдохновила меня на создание этой книги, – гласила: рядом с замком мафиози и недалеко от начальной школы, за оградой из колючей проволоки и привычным знаком «Прход воспрещен», располагался центр управления ракетами «Найк» с ядерными боеголовками.

Много лет спустя я узнал, что обе легенды были правдивы.

На Дейзи было черное платье в обтяжку, с низким вырезом. В таком платье только уроки по философии давать.

Она увидела лоха, который сидел в конце барной стойки. На нем был серый костюм в тонкую полоску. Мм... По возрасту этот тип годился ей в отцы. Может, это усложняло ее игру, а может, и нет. Со стариками никогда не знаешь наперед. Некоторые из них, в особенности недавно разведенные, так и пыжаты доказать, что есть еще порох в пороховницах, даже если пороха у них отродясь не бывало.

Дейзи не спеша шла по залу, чувствуя на себе мужские

взгляды, — они ползали по ее голым ногам, как дождевые черви. У конца барной стойки она театрально уселась на табурет рядом с лохом.

Тот уставился в стоящий перед ним стакан виски. Ни дать ни взять цыган с хрустальным шаром. Она ждала, когда этот старикан повернется в ее сторону. Он не двигался. Дейзи несколько секунд рассматривала его профиль. У мужчины была густая седая борода. Нос луковицей — словно из пластилина, почти как голливудская силиконовая маска. Волосы длинные, всклокоченные, просто швабра какая-то.

«Во втором браке, — решила Дейзи. — И очень может быть, второй раз разведен».

Дейл Миллер — так звали лоха — осторожно поднял стакан. Он держал его двумя руками, как раненую птицу.

— Привет, — сказала Дейзи и тряхнула волосами — это движение было у нее отработано.

Лох посмотрел ей в глаза. Она ждала, когда его взгляд опустится до нижней точки выреза ее платья, — черт побери, да когда она надевала это платье, даже женщины не могли удержаться от этого! — но его взгляд оставался неподвижным.

— Здравствуйте, — ответил он и снова уставился в свой стакан.

Обычно Дейзи позволяла лохам подкатывать к ней. Это был самый проверенный метод. Она говорила «привет», как сегодня, улыбалась, мужчина спрашивал, можно ли купить

ей выпивку. Сценарий известный. Но Миллер, казалось, был не в настроении флиртовать. Он сделал большой глоток виски. Потом еще один.

Это было кстати. Пьяница. Ее задача облегчалась.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил он.

«Грубиян», – подумала Дейзи.

Самое подходящее слово для него. Даже в костюме из материи в тонкую полоску у Миллера был хамоватый байкерский вид ветерана вьетнамской войны, голос звучал низко, с хрипотцой. Он принадлежал к тому типу пожилых мужчин, которых Дейзи находила на странный манер сексуальными, хотя тут, возможно, поднимал неприкаемую голову ее комплекс безотцовщины: отца она никогда не видела. Дейзи любила мужчин, в чьем обществе она чувствовала себя в безопасности.

Она давно таких не встречала.

«Пора зайти под другим углом», – подумала Дейзи.

– Вы не возражаете, если я просто посижу рядом? – Дейзи придвинулась чуть поближе, искусно работая вырезом, и прошептала: – Тут один тип...

– Он пристаёт к вам?

Милый. Он сказал это вовсе не на бахвальский мачистский манер, как многие из тех, кого она встречала на своем пути. Дейл Миллер произнес это спокойно, обыденным тоном, даже с благородством, как мужчина, который хочет ее защитить.

– Нет, не то чтобы... по-настоящему.

– Кто? – Он начал оглядывать бар.

Дейзи положила ладонь на его руку.

– Да ничего серьезного. Правда. Просто... я чувствую себя в безопасности рядом с вами, если вы не против.

Миллер снова взглянул на нее в упор. Нос луковицей казался чужим на его лице, но это несоответствие мало что значило – настолько притягательны были пронзительные голубые глаза.

– Конечно, – произнес он, хотя и настороженным тоном. – Могу я купить вам выпивку?

Именно такое начало Дейзи и требовалось. Она умела найти подход к мужчинам, и они – женатые, одинокие, разводящиеся, всякие – не возражали против того, чтобы открыться ей. Дейлу Миллеру потребовалось чуть больше, чем обычно, – четвертый стакан, если она не ошибалась, – но в конечном счете он заговорил о бракоразводном процессе с Кларой, его второй – точно второй! – женой, которая была на восемнадцать лет моложе его. «Должен был сразу догадаться, да? Какой же я дурак». После следующего стаканчика Миллер рассказал Дейзи о двух детях – Раймоне и Симоне, – о спорах об опеке, о работе в финансовой сфере.

Дейзи тоже нужно было раскрыться. Так уж это работало. Чтобы расшевелить его. У нее имелась готовая история именно для таких случаев – абсолютный вымысел, естественно, – но что-то в поведении Миллера заставило ее до-

бавить в рассказ элементы откровенности. Безусловно, всей правды она бы ему все равно ни за что не рассказала. Никто не знал ее истории, кроме Рекса. Но даже и Рекс знал не все.

Он пил виски, она – водку. Дейзи попыталась сбавить обороты. Два раза уходила со своим стаканом в туалет, выливая содержимое в раковину, наливала вместо водки воды. И все же она успела слегка накачаться, когда пришла эсэмэска от Рекса:

Г?

«Г» – первая буква от «Готово».

– Все в порядке? – спросил у нее Миллер.

– Конечно. Просто друг.

Она отправила сообщение из одной буквы «Д» – «Да» – и снова повернулась к Миллеру. В этот момент она обычно предлагала перейти куда-нибудь в более тихое место. Большинство сразу же цеплялись за эту возможность – в этом плане они были абсолютно предсказуемы, – но Дейзи сомневалась, что такой прямой маршрут сработает с Дейлом Миллером. Не то чтобы он выглядел незаинтересованным. Нет, ей казалось, что он каким-то образом – она не знала, как это выразить, – выше этого.

– Могу я спросить вас кое о чем? – начала она.

– Вы весь вечер меня расспрашивали, – улыбнулся Миллер.

Язык у него чуть заплетался. Хорошо.

– У вас есть машина? – спросила она.

– Есть. А что?

Дейзи оглядела бар.

– Если бы я попросила вас подвезти меня домой? Я недалеко живу.

– Конечно. Какие проблемы! – После паузы: – Но мне понадобится немного времени, чтобы протрезветь...

– Ну ладно. – Дейзи прыгнула с табурета. – Я тогда пешком.

– Пойдите! – Миллер выпрямился. – Что случилось?

– Мне нужно домой, но если вы не можете сесть за руль...

– Нет-нет, – ответил он, вставая не без труда. – Я вас отвезу.

– Если вам трудно...

– Никаких проблем, Дейзи.

Есть. Они двинулись к двери, и Дейзи быстро отбила послание Рексу:

И.

То есть «Идем».

Она могла сказать, что занимается подставой или мошенничеством, но Рекс утверждал: это честные деньги. Дейзи сомневалась насчет честности, но особого чувства вины в связи с этим не испытывала. План был прост по исполнению, да и по мотиву. Мужчина и женщина разводятся. Вопрос об опеке детей перерастает в кошмар. Обе стороны готовы на крайние меры. Жена – технически говоря, муж тоже мог воспользоваться подобными услугами, хотя пока такого не слу-

чалось, – нанимала Рекса, чтобы тот помог ей выиграть кровавейшее из сражений. Как он это делал?

Ловил мужа за рулем в пьяном виде.

Превосходный способ показать, что тот никудышный родитель.

Так оно работало. Перед Дейзи стояла двойкая задача: без нарушения закона заставить лоха напиться, а потом усадить его за руль. Рекс, который был копом, останавливал их и арестовывал лоха за езду в пьяном виде – и вот, пожалуйста, клиентка получала неубиваемый аргумент в судебных слушаниях. В данном случае Рекс ждал в патрульной машине в двух кварталах. Он всегда находил уединенное место вблизи того бара, где в этот вечер напивался лох. Чем меньше свидетелей, тем лучше. Вопросы тут ни к чему.

Остановить машину. Арестовать водителя. Действовать.

Дейзи и Дейл на нетвердых ногах вышли на парковку.

– Сюда, – сказал Миллер. – Я поставил машину здесь.

Парковочное пространство было посыпано галечником. Миллер, провожая Дейзи к своей серой «тойоте-короле», разбрасывал камушки ногами. Он нажал кнопку на пульте. Машина дважды глухо бибикнула. Когда Миллер направился к пассажирской дверце, Дейзи пришла в замешательство. Он хочет ее посадить за руль? Господи, она надеялась, что нет. Может, он пьянее, чем она думала. Это казалось более вероятным. Но она быстро поняла, что дело тут в другом.

Дейл Миллер открывал для нее дверцу. Как джентльмен.

Давно Дейзи не встречала настоящего джентльмена. Она даже поначалу не поняла, что он делает.

Он придержал для нее дверь. Дейзи села в машину. Дейл Миллер дождался, когда она усядется, потом осторожно хлопнул дверцу.

Чувство вины кольнуло Дейзи.

Рекс много раз указывал ей, что они не делают ничего противозаконного или даже сомнительного в этическом плане. С одной стороны, план не всегда срабатывал. Некоторые не ходили в бары. «Если так, – говорил ей Рекс, – то он чист. А наш клиент ведь уже подшофе, верно? Ты его только подталкиваешь, не больше. Но он не обязан напиваться и ехать. В конечном счете, он сам делает выбор. Ты же не приставляешь пистолет к его виску».

Дейзи пристегнулась. То же самое сделал и Миллер. Он завел двигатель, дал задний ход. Галечник заскрежетал под колесами. Когда машина выехала с места стоянки, Миллер остановился и, повернув голову, уставился на Дейзи. Она попыталась улыбнуться, но у нее это плохо получилось.

– Вы что-то скрываете, Дейзи? – спросил он.

Она почувствовала, как морозец пробежал по коже, но ничего не ответила.

– С вами что-то случилось. Я вижу по вашему лицу.

Дейзи, не зная, что делать, попыталась отшутиться:

– Я вам рассказала в баре историю моей жизни, Дейл.

Миллер выждал еще секунду-другую, хотя они показались

ей часом. Наконец он оторвал от нее взгляд и перевел рычаг в положение «вперед». На пути с парковки Миллер не сказал больше ни слова.

– Сейчас налево, – пробормотала Дейзи, слыша напряжение в собственном голосе. – А потом второй поворот направо.

Дейл Миллер ничего не ответил, он делал повороты нарочито медленно, как человек, который выпил слишком много, но не хочет попасться. «Тойота-королла» была вылизана и безлична, в салоне довольно сильно пахло ароматизатором. Когда Миллер сделал второй поворот, Дейзи затаила дыхание в ожидании проблескового маячка и сирены Рекса.

Для Дейзи это была самая страшная часть сценария, потому что она никогда не знала, как будет реагировать человек за рулем. Кто-то из клиентов попытался было удрать, но, не доехав до поворота, понял тщетность своего замысла. Одни начинали браниться. Другие – большинство – принимались рыдать. Хуже этого ничего не придумаешь. Взрослые мужчины, холодно кадрившие Дейзи минуту назад и порой даже шарившие рукой по ее платью, вдруг начинали лепетать, как первоклашки.

Они мгновенно оценивали всю жестокость ситуации. И понимание сокрушало их.

Дейзи не знала, чего ей ждать от Дейла Миллера.

Рекс просчитывал время до секунды. Вот, словно по знаку, ожил синий маячок, зазвучала сирена. Дейзи повернула

голову, изучая реакцию Дейла Миллера. Если он расстроился или удивился, то на его лице это никак не отразилось. Он был собранным, даже решительным. Он включил поворотник, прежде чем аккуратно вырулить на надлежащее место у тротуара. Рекс остановился сзади.

Сирена теперь была выключена, но синий свет продолжал описывать круги.

Дейл Миллер поставил рычаг в режим парковки, повернулся к ней. Она не могла понять, с каким выражением ей смотреть на него. С удивлением? Сочувствием? Вздохнуть со смыслом: «Ну что тут поделаешь?»

– Так-так, – сказал Миллер. – Похоже, прошлое догнало нас?

Его слова, его тон, выражение его лица лишали ее присутствия духа. Дейзи хотела крикнуть Рексу, чтобы тот поторопился, но он не спешил, как это всегда делают копы. Дейл Миллер не сводил с нее глаз, даже когда Рекс постучал пальцем по стеклу. Миллер медленно отвернулся и опустил стекло:

– Есть проблемы?

– Ваши права и документы на машину, пожалуйста.

Дейл Миллер вручил ему документы.

– Вы не пили сегодня, мистер Миллер?

– Может быть, одну порцию, – ответил он.

Этим ответом он ничуть не отличался от других лохов. Они всегда лгали.

– Вы не могли бы выйти из машины на секунду?

Миллер повернул голову к Дейзи – она постаралась не сжаться от страха под его взглядом. Она смотрела перед собой, избегая встречаться с ним взглядом.

– Сэр, я попросил вас... – повторил Рекс.

– Да, конечно.

Дейл Миллер дернул ручку дверцы. Когда зажегся свет в салоне, Дейзи на мгновение закрыла глаза. Миллер, крикнув, вышел из машины. Дверь он не стал закрывать, но Рекс потянул руку и захлопнул ее. Стекло все еще было опущено, и Дейзи все слышала.

– Сэр, я бы хотел провести несколько тестов на степень опьянения.

– Мы можем обойтись без этого, – сказал Дейл Миллер.

– Простите?

– Почему бы нам сразу не воспользоваться алкотестером?

Это предложение удивило Рекса. Он посмотрел мимо Миллера, поймал взгляд Дейзи. Та чуть заметно пожала плечами.

– У вас ведь есть алкотестер в патрульной машине? – спросил Миллер.

– Да, есть.

– Так зачем попусту тратить время – ваше, мое, прекрасной дамы?

Рекс помедлил, потом произнес:

– Хорошо. Подождите, пожалуйста, здесь.

– Да, конечно.

Когда Рекс повернулся, собираясь идти к своей машине, Дейл Миллер вытащил пистолет и дважды выстрелил Рексу в затылок.

После этого Дейл Миллер навел пистолет на Дейзи.

«Они вернулись, – подумала она. – Спустя столько лет они меня нашли».

Глава первая

Я прячу бейсбольную биту за ногой, чтобы не увидел Трей, – по крайней мере, я думаю, что это он.

Предполагаемый Трей идет ко мне танцующей походкой. Верзила с искусственным загаром, сексуальной челкой и бессмысленными татуировками, опоясавшими мощные бицепсы. Элли называла Трея «чистокровный мудака». Этот парень точно отвечает ее описанию.

И все же я должен быть уверен, что это он.

С годами я развил в себе очень крутую дедуктивную способность сразу определять, с нужным ли человеком имею дело. Наблюдай и мотай на ус.

– Трей?

Этот суходрот останавливается, во всю мощь морщит свой кроманьонский лоб и говорит:

– Это кто хочет знать?

– Я что, должен ответить: «Я хочу»?

– Чего?

Я выпускаю вздох. Видишь, с какими кретинами мне приходится иметь дело, Лео?

– Ты спросил: «Кто хочет знать?», – продолжаю я. – Типа ты такой подозрительный. И если бы я позвал: «Майк», ты бы не сказал: «Ты меня с кем-то перепутал, приятель». Но ты ответил вопросом: «Кто хочет знать?» – и таким образом

уже сказал мне, что ты – Трей.

Видел бы ты встревоженное лицо этого парня!

Я приближаюсь к нему на шаг, биту держу так, чтобы он не видел.

Трей изображает из себя гангстера, но я чувствую, что каждая клеточка его тела излучает страх. И неудивительно. Я человек внушительных размеров, а не женщина ростом в пять футов, над которой он может издеваться, чтобы почувствовать себя крутым.

– Чего тебе надо? – спрашивает Трей.

Еще один шаг к нему.

– Поговорить.

– О чем?

Я быю одной рукой, потому что это самый быстрый удар. Бита словно хлыстом накрывает колено Трея. Он вскрикивает, но не падает. Теперь я беру биту двумя руками. Ты помнишь, Лео, как тренер Джосс учил нас бить в Малой бейсбольной лиге? Бита сзади, локоть вперед. Такая у него имелась мантра. Сколько нам было – девять, десять? Не имеет значения. Я делаю так, как нас учил тренер. Целиком завожу биту, выставляю локоть вперед и вместе с ударом делаю шаг вперед.

Самая тяжелая часть биты ударяет точно по той же коленке.

Трей падает, будто я его пристрелил.

– Пожалуйста...

На этот раз я поднимаю биту над головой – это называется позой лесоруба – и вкладываю в удар всю свою силу, целясь опять в ту же коленку. Я чувствую, как что-то раскалывается, когда удар достигает цели. Трей воет, я снова поднимаю биту. Но теперь Трей обеими руками пытается защитить колено. Какого дьявола! Ну тогда можно и по-другому, так ведь?

Я целю в голень. Когда бита опускается, голень ломается под ударом. Раздается хруст, словно сапог наступил на сухие ветки.

– Ты меня никогда не видел, – говорю я ему. – Скажешь хоть слово – я вернусь и убью тебя.

Ответа я не дожидаясь.

Лео, ты помнишь, как отец в первый раз повел нас на игру Главной лиги? Стадион «Янки». Мы сидели в ложе у линии третьей базы. И всю игру не снимали бейсбольных перчаток в надежде, что какой-нибудь шальной мяч залетит к нам. Никакой мяч к нам, конечно, не залетел. Я помню, как отец поднимал лицо к солнцу, на носу – солнцезащитные очки «Вайфарер», на губах – задумчивая улыбка. Насколько он был крут – отец? Будучи французом, он не знал правил – для него это тоже была первая бейсбольная игра, – но ему было все равно, правда? Просто вышел погулять со своими сыновьями-близняшками.

Ему этого всегда хватало.

В трех кварталах я бросаю биту в мусоровоз «Севен-элевен». На мне были рукавицы, так что отпечатков я не оста-

вил. Биту я купил много лет назад на гаражной распродаже близ Атлантик-Сити. Выследить меня невозможно. Не то чтобы меня это волновало. Копы не станут рыться в говне ради такого профессионального жопошника, как Трей. По телевизору – они могут. А на самом деле спишут на какие-нибудь местные разборки, или наркосделку, в которой стороны остались недовольны друг другом, или на карточный долг, или на что-то еще, вполне заслуживающее такой мести.

Я прошел по парковке и круговым маршрутом вернулся туда, где оставил машину. На мне черная бейсболка «Бруклин Нетс» – таких полно, – и я иду с опущенной головой. И опять же, я не думаю, что кто-нибудь отнесется к этому делу серьезно, но всегда нужно иметь в виду какого-нибудь новобранца, который запросит записи с камер видеонаблюдения или что-нибудь еще.

Осторожность не стоит мне ничего.

Я сажусь в машину, выезжаю на федеральную трассу 280 и еду напрямик в Вестбридж. Звонит мой мобильник – это Элли. Она будто знает, что у меня на уме. Мисс Совесть. Я пока не отвечаю.

Вестбридж – это такая разновидность пригорода американской мечты, который в медиа называют «ориентированный на семью», или «состоятельный», или даже «элитный». Но Вестбридж никогда не дотянет до уровня «аристократический». Тут устраивают барбекю члены Ротари-клуба²,

² *Ротари-клуб* – некоммерческая общественная организация представителей

проходят парады в честь Дня независимости, карнавалы Киванис-клуба³, ярмарки органических фермеров по утрам в субботу. Детишки ездят в школу на велосипедах. Школьные футбольные команды хорошо оснащены, в особенности когда они играют против нашего конкурента Ливингстона. Малая лига все еще живет и процветает. Тренер Джосс умер несколько лет назад, но одно из полей назвали в его честь.

Я все еще останавливаюсь у этого поля, хотя теперь в полицейской машине. Да, я коп. Я думаю о тебе, Лео, – ты стоял до конца на правом поле⁴. Ты не хотел играть – теперь я это знаю, – но ты понимал, что я без тебя, вероятно, тоже не стал бы играть. Некоторые ветераны все еще вспоминают тот матч без хитов⁵ в полуфиналах штата, когда я был питчером. Ты для той команды был недостаточно хорош, а потому администраторы Малой лиги назначили тебя статистиком. Я думаю, они так сделали, чтобы меня не расстраивать. Хотя вряд ли я тогда понимал это.

Ты всегда был более мудрым, Лео, более зрелым, так что тебе-то, наверное, все было ясно.

Я сворачиваю к дому и останавливаюсь на подъездной дорожке. Тамми и Нед Уолш, живущие в соседнем доме, чи-

бизнеса и профессиональной элиты. – *Здесь и далее примеч. перев.*

³ *Киванис-клуб* – международная благотворительная организация.

⁴ На правом поле в бейсболе обычно ничего не происходит, поэтому выражение имеет еще и идиоматический характер.

⁵ *Хит* – в бейсболе удар, при котором отбивающий достиг первой базы.

стоят водостоки. В моем представлении сосед – типичный Нед Фландерс⁶, потому что носит жуткие усы и манеры у него какие-то уж слишком простоватые. Оба приветственно машут мне.

– Привет, Нап, – говорит Нед.

– Привет, Нед, – отвечаю я. – Привет, Тамми.

Вот такой я вежливый. Мистер Приятный Сосед. Понимаешь, я редкий вид для пригорода – ведущий правильный образ жизни, одинокий, бездетный мужчина встречается здесь почти с такой же частотой, как сигарета в клубе здоровья, – а потому я стараюсь изо всех сил выглядеть нормальным, скучным, надежным.

Безобидным.

Отец умер пять лет назад, и теперь, я думаю, некоторые соседи воспринимают меня как того холостяка, который все еще живет один дома и отлынивает от семейной жизни, как Страшила Рэдли⁷. Вот почему я стараюсь поддерживать дом в надлежащем состоянии. Стараюсь приводить в дом благонаправленного вида девушек только в дневное время, хотя и знаю, что свидание не затянется.

Были времена, когда такой парень, как я, считался милым и эксцентричным закоренелым холостяком. А теперь, полагаю, соседи беспокоятся – не педофил ли я или что-нибудь в таком роде. А потому я делаю все, чтобы избавить их от

⁶ Нед Фландерс – персонаж мультсериала «Симпсоны».

⁷ Страшила Рэдли – персонаж романа Харпер Ли «Убить пересмешника».

этих страхов.

Большинству соседей к тому же известна наша история, а потому мое пребывание здесь выглядит резонно.

Я продолжаю помахивать Неду и Тамми.

– Как успехи команды Броди? – спрашиваю я.

Мне это совершенно безразлично, но опять же нужно соблюдать приличия.

– Восемь – один, – отвечает Тамми.

– Просто здорово!

– Вы должны прийти на игру в следующую среду.

– С удовольствием, – говорю я.

С таким же удовольствием я бы согласился, чтобы мне удалили почку без наркоза.

Я снова улыбаюсь, опять машу, как идиот, и направляюсь в дом. Я переехал из нашей старой комнаты, Лео. После того вечера я уже не мог смотреть на нашу старую двухэтажную кровать. Я всегда говорю «тот вечер», потому что не могу принять «двойное самоубийство», или «смерть в результате несчастного случая», или даже – хотя в это никто по-настоящему не верит – «убийство». Я стал спать внизу, на первом этаже, в комнате, которую мы называли «маленькой берлогой». Одному из нас, наверное, следовало это сделать несколькими годами раньше, Лео. Наша спальня годилась для двух мальчиков, но для двух тинейджеров стала тесновата.

Но я никогда не возражал. Думаю, и ты тоже.

Когда умер отец, я переехал в его спальню наверху. Элли помогла мне переделать нашу старую комнату в домашний кабинет со всякими встроенными прибабасами в стиле, который она называет «современный урбанистический загородный дом». Я до сих пор не понимаю, что это значит.

Сейчас я поднимаюсь в спальню и начинаю стягивать с себя рубашку, но тут раздается звонок в дверь. Я думаю, это курьеры из «Ю-пи-эс» или «Федерал экспресс». Они единственные, кто приезжает без предварительного звонка. Поэтому я не собираюсь спускаться. Услышав еще один звонок, начинаю вспоминать, не заказывал ли я чего-нибудь такого, что требует моей подписи. Вроде ничего. Я выглядываю из окна спальни.

Копы.

Они в гражданской одежде, но я все понимаю. Не знаю, то ли дело в осанке, то ли в манере одеваться, то ли в чем-то неуловимом, но вряд ли это объясняется тем, что я один из них, типа «коп копа чует издалека». Их двое – мужчина и женщина. На мгновение мне в голову приходит мысль, что это может иметь какое-то отношение к Трею, – дедукция? Но, окинув взглядом полицейскую машину без опознавательных знаков – на ней вполне можно было бы по обоим бортам спрей-краской написать: «Полицейская машина без опознавательных знаков», – я вижу пенсильванские номера.

Быстро натягиваю тренировочные штаны, смотрю на себя в зеркало. Единственное слово, которое приходит на ум, –

«потрясающий». Впрочем, это не единственное слово, но пусть уж оно останется. Я спешу вниз, тянусь к дверной ручке.

Я понятия не имел, что меня ждет за дверью.

Я понятия не имел, Лео, что меня ждет возвращение к тебе.

Глава вторая

Как я уже и сказал: два копа – мужчина и женщина.

Женщина старше, ей лет пятьдесят пять, на ней джинсы, удобные туфли, синий блейзер, линия талии искажена выпирающим пистолетом, впрочем, судя по виду женщины, ее это вряд ли беспокоит. Мужчине около сорока, на нем костюм цвета пожухлого листа – так оделся бы самый что ни на есть элегантный заместитель директора школы.

Женщина натянуто мне улыбается:

– Детектив Думас?

Коп произносит мою фамилию именно так – Думас, хотя она французская и звучит так же, как фамилия знаменитого писателя, – Дюма. Мы с Лео родились в Марселе. Когда мы только приехали в Штаты, в городок Вестбридж, нам было по восемь лет, и наши новые «друзья» считали очень умным произносить Dumas как «Dumb ass»⁸. Некоторые взрослые так до сих пор и произносят, но мы, гм... не голосуем за одних кандидатов дважды, если ты меня понимаешь.

Я не даю себе труда поправить ее.

– Чем могу быть вам полезен?

– Я лейтенант Стейси Рейнольдс, – говорит она. – Это детектив Бейтс.

⁸ Тупая задница (англ.).

Мне не нравятся флюиды, которые они излучают. Подозреваю, копы принесли какие-то дурные новости, например о смерти близкого мне человека. Я в своем официальном качестве много раз приходил к людям с соболезнованиями. Я не большой любитель таких дел. Но, как бы жалостливо это ни звучало, я даже не могу представить, кто в моей жизни значил бы для меня так много, чтобы ко мне с подобным известием присылали полицейскую машину. Единственный такой человек – Элли, но она тоже живет в Вестбридже, Нью-Джерси, а не в Пенсильвании.

Я пропускаю «рад вас видеть» и сразу перехожу к делу:

– И что все это значит?

– Вы не возражаете, если мы войдем? – произносит с усталой улыбкой Рейнольдс. – Мы отмахали немало миль.

– А я бы воспользовался туалетом, – добавляет Бейтс.

– Отольете потом, – бросаю я. – Зачем вы здесь?

– Нет нужды раздражаться, – говорит Бейтс.

– Но и скрытничать нет нужды. Я – коп, вы проделали неблизкий путь, давайте не будем затягивать.

Бейтс недовольно смотрит на меня. Я всем своим видом показываю, что мне насрать на его чувства. Рейнольдс прикасается пальцами к его руке, чтобы разрядить ситуацию. Я продолжаю стоять с наплевательским видом.

– Вы правы, – обращается ко мне Рейнольдс. – Боюсь, мы привезли дурные вести.

Я жду.

- В нашем районе случилось убийство, – продолжает она.
- Убийство копа, – добавляет Бейтс.

Это привлекает мое внимание. Есть просто убийство. А есть убийство копа. Никто не хочет, чтобы эти два понятия имели разные категории, чтобы одно считалось тяжелее другого, но в жизни не все зависит от нашего желания.

- Рекс Кантон.

Они смотрят на меня – не отреагирую ли я. Я никак не реагирую, но пытаюсь сообразить, как повернуть ситуацию в свою пользу.

- Вы знали сержанта Кантона? – спрашивает она.
- Знал, – отвечаю я. – Сто лет назад.
- Когда вы видели его в последний раз?
- Не помню. – Я все еще пытаюсь понять цель их визита. –

Может, на выпускных школьных экзаменах.

- И с тех пор ни разу?
- Не помню, чтобы мы встречались.
- Но возможно, что и встречались?

Я пожимаю плечами:

– Может, он возвращался в родные места или еще что-нибудь такое.

- Но вы не уверены?
- Да, не уверен.

– Вас известие о его убийстве не ошеломило, – замечает Бейтс.

- Внутри я весь умираю от горя, – говорю я. – Но я очень

крут – умею держать себя в руках.

– В вашем сарказме нет нужды, – качает головой Бейтс. – Погиб ваш коллега полицейский.

– Но нет нужды и в том, чтобы попусту тратить время. Я знал его в школе. Точка. С тех пор я его не видел. И не знал, что он живет в Пенсильвании. Даже не знал, что он работает в полиции. Как его убили?

– Застрелили, когда он остановил машину для проверки.

Рекс Кантон. Я тогда его, конечно, знал, но дружил он скорее с тобой, Лео. Был в твоей школьной компании. Я помню вашу дурацкую фотографию, на которой вы все выражены, как какая-нибудь пародийная рок-группа для демонстрации школьных талантов. Он был барабанщиком. Помню щербинку между его передними зубами. Казался вполне себе пай-мальчиком.

– Мы можем перейти к делу? – спрашиваю я.

– К какому делу?

Я совершенно не в настроении.

– Чего вы хотите от меня?

Рейнольдс смотрит на меня, и на ее лице я вижу что-то вроде улыбки.

– Даже не предполагаете?

– Нет.

– Позвольте мне воспользоваться вашим туалетом, а то помочусь на ваше крыльцо.

Я отхожу в сторону, пропускаю их внутрь. Рейнольдс идет

первой, Бейтс ждет, чуть подпрыгивая на месте. Звонит мой мобильник. Снова Элли. Я нажимаю «не беспокоить» и отправляю ей послание:

Отзвонюсь, как только будет время.

Слышу шум воды из-под крана – Рейнольдс моет руки. Она выходит – в туалет бросается Бейтс. Он делает это... мм... громко. Еще чуть-чуть – и напустил бы в штаны.

Мы проходим в гостиную, рассаживаемся. Элли и эту комнату переоборудовала. Имела в виду «логово мужчины на короткой ноге с женщинами» – деревянные панели, огромный плоский телевизор, но бар акриловый, а ледеринные кресла имеют странный лиловато-розовый цвет.

– Итак? – говорю я.

Рейнольдс смотрит на Бейтса. Тот кивает. Она поворачивается ко мне:

– Мы нашли отпечатки пальцев.

– Где? – спрашиваю я.

– Не понимаю вопроса?

– Вы сказали, что Рекса убили, когда он остановил для проверки машину.

– Верно.

– Так где нашли его тело? В патрульной машине? На улице?

– На улице.

– И где же вы нашли отпечатки? На улице?

– Где – не имеет значения, – говорит мне Рейнольдс. –

Имеет значение – чьи.

Я жду. Они молчат. Тогда говорю я:

– И чьи же это отпечатки?

– Это часть проблемы, – отвечает она. – Понимаете, мы не нашли совпадений в криминальной базе. У этого человека нет преступного прошлого. Но тем не менее мы все же нашли отпечатки в системе.

Я часто слышал выражение «волосы встали дыбом», но не думаю, что понимал его суть до этого момента. Рейнольдс ждет, но я не собираюсь подыгрывать ей. Она ведет этот мяч. Пусть уж доведет его до самых ворот.

– Мы нашли совпадение, – продолжает она, – потому что десять лет назад вы, детектив Думас, включили эти отпечатки в базу данных, описав «лицо, представляющее интерес». Десять лет назад, когда вы только поступили в полицию, вы просили известить вас, если эти пальцы где-то засветятся.

Я стараюсь никак не показывать, что потрясен, но, полагаю, мне это плохо удастся. Я вспоминаю, Лео. Вспоминаю события пятнадцатилетней давности. Те летние вечера, когда мы с ней в лунном свете шли на ту полянку на Райкер-Хилл и расстилали одеяло. Я помню, конечно, страсть, остроту и чистоту желания, но больше всего я вспоминаю «потом»: я лежу на спине, все еще задыхаясь, и смотрю в ночное небо; ее голова на моей груди, рука на моем животе; первые несколько минут мы молчим, а потом начинаем говорить, говорить так, что я знаю – знаю! – от разговоров с

ней я не устану никогда.

Ты был бы шафером.

Ты меня знаешь. Мне никогда не требовалось много друзей. У меня был ты, Лео. У меня была она. И вот я потерял тебя. А потом – ее.

Теперь Рейнольдс и Бейтс всматриваются в мое лицо.

– Детектив Думас?

Я возвращаюсь к реальности.

– Вы хотите мне сказать, что отпечатки принадлежат Мауре?

– Да.

– Но вы ее еще не нашли.

– Да, пока не нашли, – отвечает Рейнольдс. – Вы не хотите ничего объяснить?

Я хватаю свой бумажник и ключи от дома:

– Я сделаю это в пути. Поехали.

Глава третья

Рейнольдс и Бейтс, естественно, хотят допросить меня сразу же.

– В машине, – настаиваю я. – Я хочу видеть место.

Мы все идем по кирпичной дорожке, которую двадцать лет назад выкладывал мой отец. Я иду первым, они спешат, чтобы не отстать.

– А если мы не хотим брать вас с собой? – говорит Рейнольдс.

Я останавливаюсь и помахиваю пальцами.

– Тогда до свидания. Счастливой обратной дороги.

У Бейтса я вызываю явное раздражение.

– Мы можем заставить вас говорить.

– Вы так думаете? Хорошо. – Я поворачиваю к дому. – Дайте мне знать, как у вас пойдут дела.

Рейнольдс пристально вглядывается в мое лицо:

– Мы пытаемся найти того, кто убил полицейского.

– И я тоже.

Я очень хороший следователь, – так оно и есть, тут нет нужды в ложной скромности, – но должен увидеть место преступления своими глазами. Я знаю игроков. Возможно, мне удастся помочь им. Как бы то ни было, если Маура вернулась, я ни в коем случае не выпущу этого дела из рук.

Мне очень не хочется объяснять это Рейнольдс и Бейтсу.

– Долго ехать? – спрашиваю я.

– Два часа, если будем гнать.

Я делаю приглашающий жест обеими руками.

– Буду с вами в машине в течение всего этого времени.

Представьте себе все вопросы, которые вы сможете задать.

Бейтс хмурится. Ему это не нравится. А может, он так привык к роли плохого полицейского против покладистого, чью роль исполняет Рейнольдс, что действует автоматически. Они уступят. Вопрос только в том, как и когда.

– А как вы вернетесь сюда? – спрашивает Рейнольдс.

– Мы ведь не «Убер», – добавляет Бейтс.

– Да, обратная доставка, – киваю я. – Вот на чем мы все должны теперь сосредоточиться.

Они еще немного хмурятся, но вопрос уже решен. Рейнольдс садится на водительское место, Бейтс – на пассажирское.

– И никто не откроет мне дверцу? – спрашиваю я.

Язвить нет нужды, но почему бы и нет. Прежде чем сесть, я достаю телефон и перехожу в «Избранное». Рейнольдс с переднего сиденья бросает на меня взгляд: «Какого хрена?» Я поднимаю палец, давая ей понять, что это займет одну минутку.

– Привет, – отвечает Элли.

– Мне придется отложить сегодняшнюю встречу.

Каждый воскресный вечер я заявляюсь к Элли в приют на собрание женщин, подвергшихся насилию.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Ты помнишь Рекса Кантона?

– Из школы? Конечно.

Элли счастлива в браке, у нее две дочери. Я крестный отец обеих – странно, но это действует. Элли лучший человек из всех, кого я знаю.

– Он был копом в Пенсильвании, – говорю я.

– Кажется, я что-то об этом слышала.

– Ты мне никогда не говорила.

– А о чем я должна была говорить?

– Хороший ответ.

– Так что с ним?

– Его убили при исполнении. Кто-то застрелил его, когда он остановил машину для проверки.

– Ужас какой! Очень жалко.

Для некоторых людей это были бы просто слова. В голосе Элли я слышу искреннее сочувствие.

– Какое это имеет отношение к тебе? – спрашивает она.

– Я тебе потом объясню.

Элли не тратит время, не расспрашивает меня о подробностях. Она поняла: если бы я хотел сказать больше, то уже сказал бы.

– Ладно, звони, если что понадобится.

– Позаботься вместо меня о Бренде, – говорю я.

Наступает короткая пауза. Бренда – мать двоих дочерей и одна из постоялиц приюта. Один бешеный негодяй превра-

тил ее жизнь в настоящий ад. Две недели назад Бренда темной ночью прибежала в приют Элли с сотрясением мозга и сломанными ребрами. С тех пор Бренда боится выходить на улицу, даже подышать воздухом в огороженном дворе приюта. Ее все время трясет. Она постоянно вздрагивает, словно в ожидании удара.

Я хочу сказать Элли, что Бренда сегодня может вернуться домой и наконец забрать свои вещи, что насильника – кретина, прозванного Треем, – несколько дней не будет дома, но тут между Элли и мной существуют некоторые расхождения.

Они сообразят. Они всегда соображают.

– Скажи Бренде, я вернусь, – говорю я.

– Скажу, – отвечает Элли и отключается.

Я сижу один на заднем сиденье полицейской машины. В ней пахнет, как и должно пахнуть в полицейской машине, иными словами – потом, отчаянием и страхом. Рейнольдс и Бейтс сидят впереди, как мои родители. Вопросы они начинают задавать не сразу. Пока они хранят полное молчание. Я закатываю глаза. Неужели? Они что, забыли – ведь я тоже коп. Они пытаются вынудить меня заговорить, сказать что-нибудь, запугать ожиданием. Это автомобильный вариант намеренного выдерживания преступника в комнате для допросов.

Я им не подыгрываю, а закрываю глаза и пытаюсь уснуть. Рейнольдс будит меня:

– Это правда, что вас зовут Наполеон?

– Да, – отвечаю я.

Мой отец-француз ненавидел это имя, но моя мать, американка в Париже, настояла на своем.

– Наполеон Думас?

– Все называют меня Нап.

– Хитрожопое имечко, – отмечает Бейтс.

– Бейтс, – говорю я. – К вам не обращаются «мастер» вместо «мистер»?

– Что?

Рейнольдс подавляет смешок. Не могу поверить, что Бейтс слышит это в первый раз. Он и в самом деле пробует это на язык. «Мастер Бейтс»⁹, – шепчет он и наконец сообщает:

– Ты жопошник, Дюма.

На сей раз он правильно произносит мою фамилию.

– Так вы хотите перейти к делу, Нап? – интересуется Рейнольдс.

– Спрашивайте.

– Это вы включили Мауру Уэллс в АДБ?

АДБ. Автоматическая дактилоскопическая база.

– Давайте сделаем вид, что ответ – «да».

– Когда?

Они это уже знают.

– Десять лет назад.

⁹ В таком варианте обращение звучит как «мастурбирую».

– Почему?

– Она исчезла.

– Мы проверяли, – говорит Бейтс. – Ее семья не заявляла об исчезновении.

Я не отвечаю. Мы немножко затягиваем молчание. Его нарушает Рейнольдс:

– Нап?

Выглядеть это будет нехорошо. Я знаю, но с этим ничего не поделаешь.

– Маура Уэллс была моей школьной подружкой. Когда мы учились в выпускном классе, она порвала со мной, отправив мне эсэмэску. Прервала действие контракта. Уехала. Я искал ее, но так и не смог найти.

Рейнольдс и Бейтс переглядываются.

– Вы говорили с ее родителями? – спрашивает Рейнольдс.

– Да, с ее матерью.

– И?..

– Она сказала, что местонахождение Мауры не мое дело и я должен жить своей жизнью.

– Хороший совет, – заключает Бейтс.

Я не заглатываю наживку.

– И сколько вам тогда было? – продолжает допрос Рейнольдс.

– Восемнадцать.

– Значит, вы искали Мауру и не смогли найти...

– Верно.

– И что вы тогда сделали?

Я не хочу говорить, но Рекс мертв, а Маура, возможно, вернулась, и мне нужно немного дать, чтобы немного получить.

– Поступив в полицию, я выложил ее отпечатки в АДБ. Приложил информацию о ее исчезновении.

– У вас не было полномочий делать это, – отмечает Бейтс.

– Это вопрос спорный, – отвечаю я. – Но разве вы здесь для того, чтобы предъявить мне обвинение в нарушении протокола?

– Нет, – отвечает Рейнольдс. – Не для того.

– Не знаю, – с напускным сомнением произносит Бейтс. – Вас бросает девушка. Пять лет спустя вы вносите ее в систему, нарушаете процедуру. Для чего? Чтобы снова взять ее на бордаж? – Он пожимает плечами. – По мне, так это что-то вроде харассмента.

– Довольно сомнительное поведение, Нап, – добавляет Рейнольдс.

Они наверняка знают кое-что о моем прошлом. Но этого слишком мало.

– Выходит, вы искали Мауру Уэллс по собственной инициативе? – спрашивает Рейнольдс.

– В некотором роде.

– И, как я понимаю, вы ее не нашли.

– Верно.

– Есть какие-нибудь соображения о том, где Маура была

последние пятнадцать лет?

Мы уже на хайвее, едем на запад. Я все еще пытаюсь составить для себя правдоподобную картину. Пытаюсь уложить мои воспоминания о Мауре в контекст Рекса. Я теперь думаю о тебе, Лео. Ты дружил с обоими. Это о чем-то говорит? Может – да, может – нет. Мы все учились в одном выпускном классе. Но насколько Маура была близка с Рексом? Или Рекс случайно ее встретил?

– Нет, – отвечаю я. – Никаких соображений.

– Странно, – говорит Рейнольдс. – Маура Уэллс никак не проявляла себя в последнее время. Ни кредитки, ни банковских счетов, ни уплаты налогов. Мы все еще проверяем – нет ли каких-нибудь следов на бумаге...

– Вы ничего не найдете, – говорю я.

– Вы проверяли.

Это не вопрос.

– Когда Маура Уэллс исчезла из поля зрения? – спрашивает Рейнольдс.

– Насколько я могу судить – пятнадцать лет назад, – отвечаю я.

Глава четвертая

Место убийства на небольшом отрезке тихой подъездной дороги, какие встречаются рядом с аэропортами или железнодорожными депо. Жилых домов здесь нет. Промышленный парк, знавший лучшие дни. Там и тут складские сооружения, либо уже заброшенные, либо на пути к этому.

Мы выходим из полицейской машины. Несколько самодельных ограждений на месте преступления, но машина может их объехать. Пока я не вижу, чтобы кто-то здесь проезжал. Делаю себе заметку на память: редкий трафик. Кровь еще не смыта. Место, где лежал Рекс, обведено мелом. Не помню, когда в последний раз видел такое – реальные очертания мелом.

- Введите меня в курс дела, – прошу я.
- Вы здесь не в роли следователя! – рывкает Бейтс.
- Вы чего хотите – состязания, кто круче, или хотите поймать убийцу?

Бейтс, прищурившись, смотрит на меня:

- Даже если убийца копа – ваша старая пассия?
- В особенности если. Но вслух я этого не говорю.
- Еще минуту они упрямятся, потом Рейнольдс начинает:
- Полицейский Рекс Кантон останавливает здесь «тойоту-короллу» приблизительно в час пятнадцать ночи, предположительно для проверки водителя на алкоголь.

– Насколько я понимаю, Рекс сообщил об этом по радиии?

– Да, сообщил.

Таковы требования протокола. Если ты останавливаешь машину, то сообщаем по радиии или проверяешь регистрационный номер, чтобы узнать, не украдена ли машина, не было ли на нее ориентировок и всякое такое.

– И чья это была машина? – спрашиваю я.

– Взята напрокат.

Меня это беспокоит, как беспокоит и многое другое в данном деле.

– Это не одна из больших сетей?

– Что?

– Арендная компания. Не «Герц» или «Авис»?

– Нет, маленькая фирма какого-то Сэла.

– Выскажу предположение, – начинаю я. – Это случилось близ аэропорта. Без предварительного бронирования.

Рейнольдс и Бейтс переглядываются.

– Откуда вы знаете? – спрашивает Бейтс.

Я игнорирую его вопрос, смотрю на Рейнольдс.

– Машину взял напрокат человек по имени Дейл Миллер из Портленда, штат Мэн, – говорит она.

– Документы, – спрашиваю я, – фальшивые или украденные?

Они снова переглядываются.

– Украденные.

Я прикасаюсь к крови. Засохшая.

– Камеры наблюдения в прокатной компании?

– Нам скоро передадут запись, но тот, кто выдавал машину, сказал, что Дейл Миллер – пожилой человек лет шестидесяти, а то и семидесяти.

– Где нашли машину? – спрашиваю я.

– В полумиле от аэропорта Филадельфия.

– Сколько человек по отпечаткам?

– На переднем сиденье? Только отпечатки Мауры Уэллс.

Агентство тщательно моет салон после каждого клиента.

Я киваю. На улицу сворачивает грузовичок, неторопливо проезжает мимо нас. Первая машина, которую я здесь вижу.

– Переднее сиденье... – повторяю я.

– Что?

– Вы сказали: отпечатки на переднем сиденье. С какой стороны – водительской или пассажирской?

– И там, и там.

Я осматриваю дорогу, отмечаю положение упавшего тела, очерченного мелом, пытаюсь сложить все это воедино. Потом поворачиваюсь к ним.

– Гипотезы?

– В машине двое – мужчина и ваша бывшая, Маура, – отвечает Рейнольдс. – Кантон останавливает их для проверки. Что-то ему не нравится. Они впадают в панику, стреляют Кантону два раза в затылок и делают ноги.

– Стреляет, вероятно, мужчина, – добавляет Бейтс. – Он вышел из машины. Ваша бывшая перелезает на водительское

место, он садится на пассажирское. Это объясняет ее отпечатки на водительском сиденье и на пассажирском.

– Как мы уже говорили, машину арендовали по украденным документам, – продолжает Рейнольдс. – Так что, мы полагаем, мужчине как минимум было что скрывать. Кантон останавливает их, чувствует – дело здесь нечисто, и это стоит ему жизни.

Я киваю, словно в восторге от их умозаключений. Их гипотеза не верна, но, пока у меня нет ничего лучше, я помалкиваю, чтобы не настраивать их против себя. Они что-то утаивают от меня. Я бы, вероятно, делал то же самое на их месте. Мне нужно выяснить, что именно они утаивают, а единственный способ добиться этого – дружелюбие.

Я включаю самую обаятельную из своих улыбок и говорю: – Могу я посмотреть запись видеорегистратора?

Это, конечно, ключевой вопрос. Часто регистраторы мало что показывают, но в данном случае покажут достаточно. Я жду ответа – у полицейских есть все права на этом приостановить сотрудничество, – но, когда они снова обмениваются взглядами, я чувствую: тут что-то новенькое.

Им словно неловко.

– Почему бы вам не перестать валять дурака? – говорит Бейтс.

Больше очаровательные улыбки не работают.

– Мне было восемнадцать, – отвечаю я. – Выпускной класс. Маура была моей подружкой.

– И она порвала с вами, – подхватывает Бейтс. – Вы нам это уже сообщили.

Рейнольдс движением руки призывает его помолчать.

– Что случилось, Нап?

– Мать Мауры, – говорю я. – Вы, видимо, нашли ее. Что она сказала?

– Вопросы задаем мы, Дюма, – отвечает Бейтс.

Но Рейнольдс опять чувствует, что я хочу помочь.

– Да, мы нашли мать, – говорит она.

– И?..

– Она заявляет, что много лет не общалась с Маурой. Что понятия не имеет, где ее дочь.

– Вы говорили с самой миссис Уэллс?

– Она отказалась беседовать с нами, – качает головой Рейнольдс. – А это заявление сделала через адвоката.

Значит, миссис Уэллс наняла адвоката.

– Вы ей поверили? – спрашиваю я.

– А вы?

– Нет.

Я пока не готов сообщить им эту часть. После того как Маура бросила меня, я пробрался в их дом, взломав двери. Да, глупо, импульсивно. А может, и нет. Я чувствовал себя потерянным, сбитым с толку, получив двойной удар: потерял брата, а потом любовь всей моей жизни. Может, это и объясняло мое поведение.

Зачем я пробрался в дом? Я искал какие-нибудь указания

на то, куда делась Маура. Я, восемнадцатилетний парнишка, изображал из себя детектива. Я почти ничего не нашел, но из ванной комнаты украл две вещи: зубную щетку Мауры и стакан. Я тогда не подозревал, что со временем стану копом, но сохранил их на всякий случай. Не спрашивайте зачем. Но так я сумел ввести отпечатки Мауры и ее ДНК в систему, когда у меня появилась такая возможность.

Да, меня еще и поймали. И не кто-то, а полиция. Конкретно капитан Оги Стайлс.

Тебе ведь нравился Оги, да, Лео?

После того случая Оги стал для меня кем-то вроде наставника. Это из-за него я пошел работать в полицию. Он и с отцом дружил. Дружки-забудыги – так их можно было называть. Нас всех связала трагедия. Это сближает – когда человек переживает то же, что и ты, – правда боль никуда не уходит. Отношения кнута-пряника – точное определение горько-сладкого.

– Почему вы не доверяете ее матери? – говорит Рейнольдс.

– Я наблюдал за ней.

– За матерью вашей бывшей девушки? – недоверчиво переспрашивает Бейтс. – О Иисус! Дюма, вы же типичный параноидальный тип!

Я делаю вид, что Бейтса здесь нет.

– Матерям звонят с неотслеживаемых телефонов. По крайней мере, так было прежде.

– И откуда вы это знаете? – хмыкает Бейтс.

Я не отвечаю.

– У вас есть ордер на прослушивание ее телефонных разговоров?

Я молчу, смотрю на Рейнольдс.

– Вы считаете, что Маура ей звонит? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Так почему ваша бывшая предпринимает такие усилия, чтобы ее не нашли?

Я опять пожимаю плечами.

– Какая-то мысль на этот счет у вас должна быть, – говорит Рейнольдс.

У меня она есть, но я пока не готов делиться с ними. Мысль, на первый взгляд, как очевидная, так и невозможная. У меня ушло немало времени, прежде чем я принял ее. Я опробовал ее на двух людях – Оги и Элли, и они оба считают, что я чокнулся.

– Покажите мне запись с регистратора, – повторяю я.

– Мы еще не закончили задавать вопросы, – говорит Бейтс.

– Покажите мне записи, и я думаю, что смогу понять, в чем тут дело.

Рейнольдс и Бейтс в очередной раз неловко переглядываются.

Рейнольдс подходит ко мне:

– Записи нет.

Меня это удивляет. Вижу, копов тоже.

– Регистратор не был включен, – говорит Бейтс, словно это может что-то объяснить. – Кантон был не при исполнении.

– Мы предполагаем, что полицейский Кантон выключил его, – продолжает Рейнольдс, – потому что возвращался в отделение.

– В какое время он заканчивает? – интересуюсь я.

– В полночь.

– Далеко от этого места до отделения?

– Три мили.

– Так что же Рекс делал от двенадцати до четверти второго?

– Мы все еще пытаемся восстановить его последние часы, – говорит Рейнольдс. – Пока мы знаем, что он патрулировал допоздна.

– В этом нет ничего странного, – быстро добавляет Бейтс. – Вы же знаете, как это обычно происходит. Если у тебя дневная смена, то ты берешь патрульную машину домой.

– А если протокол не требует включения видеорегистратора, его и не включают, – говорит Рейнольдс.

Я не покупаюсь, но и они и не стараются мне это втюхать.

Звонит телефон на поясе Бейтса. Он снимает его, делает несколько шагов в сторону. Пару секунд спустя он произносит:

– Где? – Потом пауза. Потом он отключается и обращается к Рейнольдс, в голосе нервная нотка: – Нам нужно ехать.

Они высаживают меня у автобусной станции, такой пустынной, что мне приходится дожидаться, пока ветер не унесет оттуда перекасти-поле. В билетной кассе никого нет. Кажется, что у них и кассы-то нет.

В двух кварталах по дороге я нахожу «мотель без документов», который сулит весь блеск и все прелести герпеса, что в данном случае является логической метафорой на нескольких уровнях. На вывеске тариф почасовой оплаты, обещание «цветного телевидения» – неужели еще остались мотели, которые предлагают черно-белое? – и «тематических номеров».

– Я беру гонорейный люкс, – говорю я.

Портье кидает мне ключи с такой стремительностью, что я опасаюсь, как бы мне не досталось именно то, что я попросил. Цветовое решение номера с большой натяжкой можно определить как «выцветшая желтизна», хотя цвет подозрительно близок к мочевому семейству. Я расстилаю простыню и, напомнив себе, что у меня еще действует прививка от столбняка, рискую лечь.

После того как я проник в дом Мауры, капитан Оги в наш дом не приходил.

Я думаю, он опасался, что с отцом случится удар, если он еще раз увидит на нашей подъездной дороге полицейскую машину. Эта картинка на всю жизнь останется в моей памяти: полицейская машина, словно в замедленном повто-

ре, сворачивает к нам, Оги открывает водительскую дверцу, устало шагает по кирпичной дорожке. Жизнь Оги за несколько часов до этого была разорвана в клочья – и вот теперь он шел к нам, понимая, что его приход сделает то же самое и с нашей жизнью.

Как бы то ни было, именно поэтому Оги не пошел к отцу, а поймал меня на пути в школу и пропесочил в связи с моим проникновением в дом Мауры.

– Не хочу, чтобы у тебя были неприятности, – сказал мне Оги, – но ты так больше не должен поступать.

– Она что-то знает, – сказал я.

– Не знает, – возразил мне Оги. – Маура всего лишь испуганный ребенок.

– Вы с ней говорили?

– Поверь мне, сынок. Ты должен забыть о ней.

Я поверил – и до сих пор верю ему. Но я не забыл и до сих пор помню ее.

Завожу руки за голову, устремляю взгляд в потолок, разглядывая пятна на нем. Я стараюсь не думать о том, как они там оказались. Оги в этот момент находится на побережье Хилтон-Хед в отеле «Си Пайн» с женщиной, с которой он познакомился на каком-то сайте знакомств для стариков. Ни в коем случае не хочу прерывать его отдых. Оги развелся восемь лет назад. Его брак с Одри получил катастрофический удар в «ту ночь», но прохромал еще семь лет, прежде чем был милосердно похоронен. Оги понадобилось еще немало

времени, прежде чем он снова стал встречаться с женщинами, так зачем тревожить его домыслами?

Оги вернется через день-другой. Можно подождать.

Я размышляю, не позвонить ли Элли и не ошарашить ли ее моей безумной гипотезой, но тут раздается громкий, настойчивый стук в дверь. Я сбрасываю ноги с кровати. В дверях два копа в форме. Вид у них мрачный. Говорят, что человек иногда становится похожим на своего супруга. Я думаю, это применимо иногда и к полицейским-напарникам. В данном случае оба белые, у обоих нависающие над бровями лбы. Если я встречу с ними еще раз, то вряд ли вспомню, кто из них кто.

– Не возражаете, если мы войдем? – с ухмылкой спрашивает коп номер один.

– У вас есть ордер? – спрашиваю я.

– Нет.

– Да, – говорю я.

– Что «да»?

– Да, я возражаю против того, чтобы вы входили.

– Плохо.

Коп номер два подзуживает меня. Я не возражаю. Они входят оба и закрывают дверь.

Коп номер один снова ухмыляется:

– Хорошая у вас тут лежка.

Насколько я понимаю, меня хотят тонко уязвить. Словно я лично автор этого интерьера.

– Говорят, вы что-то от нас скрываете, – начинает коп номер один.

– Рекс был нашим другом.

– И копом.

– А вы что-то от нас утаиваете.

У меня на все это не хватает терпения, поэтому я вытаскиваю пистолет и прицеливаюсь куда-то между ними. Их рты превращаются в удивленные «О».

– Какого дьявола?..

– Вы вошли в номер мотеля без ордера, – говорю я.

Я прицеливаюсь в одного, потом в другого, потом снова направляю пистолет между ними.

– Я могу без труда пристрелить вас обоих, в мертвые руки вложить ваши пистолеты, а потом сказать, что стрельба была оправданна.

– Вы спятили? – спрашивает коп номер один.

Я слышу страх в его голосе идвигаюсь в его сторону. Смотрю на него безумными глазами. Безумные глаза у меня хорошо получаются. Ты, Лео, это знаешь.

– Хотите устроить со мной ушную драку? – спрашиваю я его.

– Что?

– Твой братан, – я киваю головой в сторону второго копа, – выходит. Мы запираем дверь. Кладем оружие. Один из нас выходит отсюда с ухом другого в зубах. Что скажешь?

Я подаюсь к нему и щелкаю зубами.

– У тебя, на хрен, крыша поехала! – говорит первый коп.

– Ты даже представить себе не можешь, каково это. – И теперь я настолько втянулся в игру, что чуть ли не надеюсь: он поймает меня на слове. – Ну, согласен, громила?

Раздается стук в дверь. Коп номер один практически прыгает к двери и открывает ее.

Это Стейси Рейнольдс. Я прячу пистолет за ногу. Рейнольдс явно не рада присутствию коллег. Она сердито смотрит на них. Оба опускают голову, как пристыженные школьные хулиганы.

– Какого черта вы тут делаете, два клоуна?

– Да мы... – пожимая плечами, бормочет коп номер два.

– Он что-то знает, – говорит коп номер один. – Мы просто хотели сделать за вас грязную работу.

– Убирайтесь! Живо!

Они убираются. Теперь Рейнольдс замечает мой пистолет у ноги.

– Какого хрена, Нап?!

– Не беспокойся. – Я укладываю пистолет в кобуру.

Она качает головой:

– Копы лучше справлялись бы со своей работой, если бы Господь одарил их членами подлиннее.

– Ты тоже коп, – напоминаю я ей.

– А меня особенно. Идем. Мне нужно показать тебе кое-что.

Глава пятая

У Хэла, бармена в гриль-баре Ларри и Крейга, задумчивое выражение лица.

– Сногшибательная женщина, – говорит Хэл. На его лбу начинает появляться морщинка. – Слишком красивая для того старика, это уж точно.

В гриль-баре Ларри и Крейга явно есть бар и явно нет гриля. Это заведение из таких. На липком полу опилки и шелуха арахиса. Смешанный запах застоялого пива и блевотины поднимается над полом и ударяет в ноздри. Позыва сходить по малой нужде у меня нет, но я знаю: если бы появился, то писсуар здесь не смывается, а переполняется кубиками льда.

Рейнольдс кивает мне: мол, води разговор.

– Как она выглядела? – спрашиваю я.

Хэл продолжает хмуриться:

– Разве «сногшибательная» сказано не по-английски?

– Рыжая, брюнетка, блондинка?

– Брюнетка – это каштановая?

Я смотрю на Рейнольдс.

– Да, Хэл. Брюнетка – это каштановая.

– Брюнетка.

– Что-нибудь еще?

– Сногшибательная.

– Да, мы это уже прошли.

– Стройная, – отвечает Хэл.

Рейнольдс вздыхает:

– И она была с мужчиной, верно?

– Ну, ему до нее как до небес, это я вам точно могу сказать.

– Ты уже об этом говорил, – напоминаю я ему. – Они пришли вместе?

– Нет.

– А кто первым? – спрашивает Рейнольдс.

– Старикан. – Он показывает на меня. – Сел вот ровно на это место, где вы сейчас.

– И как он выглядел?

– Ну, лет шестьдесят пять, длинные волосы, патлатая борода, большой нос. Он словно на еже прокатился, но одет был в серый костюм, белую рубашку, синий галстук.

– Его ты помнишь хорошо, – отмечаю я.

– А?

– Его ты помнишь, я говорю. А ее?

– Если бы вы видели, как на ней сидело это черное платье, вы бы тоже мало чего запомнили.

– Значит, он сидит здесь один, пьет, – возвращает нас к главному Рейнольдс. – И сколько времени прошло, прежде чем появилась женщина?

– Не знаю. Минут двадцать-тридцать.

– Значит, она входит и...

– Ну, она появляется с шиком, если вы меня понимаете.

– Понимаем, – киваю я.

– Идет прямо к нему. – Хэл широко раскрывает глаза, словно описывает посадку НЛО. – Начинает с ним заигрывать.

– Они не могли быть знакомы?

– Не думаю. Я такого не почувствовал.

– А что почувствовал?

Хэл пожимает плечами:

– Почувствовал, что она проститутка. Это мое предположение, если по-честному.

– А тут много проституток бывает? – спрашиваю я.

Хэл настораживается.

– Нам плевать на приставания проституток, – качает головой Рейнольдс. – Речь идет об убийстве полицейского.

– Да, бывает, заходят. Я что говорю – тут два стрип-клуба неподалеку. Иногда девицы оттуда хотят подработать на стороне.

Я смотрю на Рейнольдс, но она мне уже кивает:

– Бейтс работает в этом направлении.

– Ты видел ее здесь раньше? – спрашиваю я.

– Два раза.

– И запомнил?

– Ну сколько раз мне вам повторять? – Хэл разводит руками.

– Сногшибательная, – говорю я за него. «Сногшибательная» может быть и не Маурой, хотя описание, каким бы

неопределенным оно ни было, к ней подходит.

– А те два других раза, – продолжаю я, – она уходила с мужчинами?

– Ну.

Я включаю воображение. Три раза в этой помойке. Три раза уходит с мужчинами. Маура. Я проглатываю боль.

Хэл трет подбородок:

– Если подумать, то, может, она и не проститутка.

– Почему ты так решил?

– Не тот тип.

– А какого она типа?

– Ну, это как судья сказал про порнуху: когда увидишь, сразу поймешь, что порнуха. Я хочу сказать: может, она и проститутка. Вполне вероятно. Но может, и что-то другое. Например, фрик. К нам иногда заходят такие красотки, они счастливы в браке, дом, трое детей. Они приходят сюда и утаскивают мужчину в постель; в общем, не знаю. Фрики. Может, она из таких.

Как это утешительно.

Рейнольдс постукивает ногой. Она привела меня сюда по конкретной причине, но никак не для того, чтобы я вел допрос в таком направлении.

Хватит откладывать. Я киваю ей. Время пришло.

– Хорошо, – говорит Рейнольдс Хэлу, – покажи ему видеозапись.

Телевизор – старинный, в деревянном корпусе. Хэл ста-

вит его на стойку бара. Сейчас в баре еще два посетителя, но оба, кажется, целиком заняты содержимым своих стаканов, и ничем другим. Хэл включает аппарат. Экран оживает, сначала видны синие точки, тридцать секунд спустя появляются недовольные помехи.

Хэл проверяет сзади.

– Шнур вывалился, – говорит он, вставляя разъем. Другой конец шнура подключен к кассетному проигрывателю. Кассетоприемник сломан, и я вижу в щели старую кассету.

Кнопка «воспроизвести» включается со щелчком. Качество записи отстойное – желтоватая, подернутая дымкой нерезкая картинка. Камера установлена высоко над парковкой, чтобы в объектив попадала вся площадка, но из-за этого почти ничего и не видно. Я могу разобрать, может, марки автомобилей и некоторые цвета. Но прочесть номерные знаки невозможно.

– Босс записывает и записывает на одну кассету, пока пленка не порвется, – объясняет Хэл.

Мне знакома эта система. Страховая компания требует установки камер наблюдения, и хозяин выбирает самый дешевый вариант. Мы смотрим запись. Рейнольдс показывает на машину в верхнем правом углу:

– Мы думаем, это машина из проката.

Я киваю.

– Быструю прокрутку вперед можно?

Хэл нажимает кнопку. Изображение ускоряется на ста-

ринный манер, все происходит быстрее. Он отпускает кнопку, когда на экране появляются два человека. Они идут спиной к нам. Большое расстояние, съемка сзади, изображение нечеткое из-за удаленности камеры.

Но потом я вижу походку женщины.

Время останавливается. У меня в груди медленное, устойчивое тик-тиканье. Потом я чувствую взрыв – мое сердце разлетается на миллион кусков.

Я помню, когда увидел эту походку в первый раз. У отца была любимая песня в исполнении Алехандро Эсковеда, она называлась «Castanets». Ты помнишь, Лео? Конечно помнишь. Там есть слова о невероятно сексуальной женщине: «Она мне нравится больше, когда уходит». Я никогда с этим не соглашался – я предпочитал, когда Маура шла ко мне, откинув плечи назад, сверля меня глазами, – но, черт побери, именно это и случилось в конце концов.

Выпускной класс, близнецы Дюма оба влюбляются. Я свел тебя с Дайаной Стайлс, дочкой Оги и Одри, а неделю спустя ты мне подбросил Мауру Уэллс. Даже в таких делах – свидания, девушки, любовь – мы не могли не жить синхронно, верно, Лео? Маура была красивым чужаком, попавшим в вашу команду чудиков. Дайана была хорошей девочкой, капитаном команды болельщиков и вице-президентом школьного совета. Ее отец Оги был капитаном полиции и моим тренером. Помню его шутку на тренировке – он тогда сказал, что его дочь встречается с «тем Дюма, который получше».

Я, по крайней мере, думаю, что это была шутка.

Глупо, конечно, но я до сих думаю о всяких «а что, если бы». Мы никогда не вдавались в подробности нашей жизни после школы, верно? Поступим ли мы в один колледж? Останусь ли я с Маурой? Будете ли вы вместе с Дайаной?..

Глупо.

– Ну? – торопит Рейнольдс.

– Это Маура, – отвечаю я.

– Уверен?

Я не даю себе труда ответить. Я все еще смотрю на экран. Седоволосый мужчина открывает пассажирскую дверцу, Маура садится в машину. Я смотрю, как он обходит машину, садится за руль. Машина задним ходом выезжает с места стоянки, направляется к выезду. Я внимательно смотрю, пока машина не исчезает из вида.

– Сколько они выпили? – спрашиваю я у Хэла.

Он опять настораживается.

Рейнольдс напоминает ему о серьезности преступления на свой манер:

– Нам насрать, если ты в нарушение правил продавал алкоголь пьяному, Хэл. Мы расследуем убийство копа.

– Да, выпили они немало.

Я размышляю, пытаюсь связать концы с концами.

– Да, и еще, – добавляет Хэл. – Ее звали не Маура. Я что говорю: она назвалась другим именем.

– Каким? – спрашивает Рейнольдс.

– Дейзи.

Рейнольдс смотрит на меня с озабоченностью, которую я нахожу странным образом трогательной.

– Все в порядке?

Я знаю, что она думает. Моя великая любовь, которой я был одержим прошедшие пятнадцать лет, оживает в этом сортире, называется вымышленным именем, уходит с незнакомым человеком. Смрад этого заведения начинает меня до-
ставать. Я встаю, благодарю Хэла и спешу к выходу. Выхожу на ту самую парковку, которую видел на записи. Вдыхаю свежий воздух. Но я здесь не для этого.

Я смотрю туда, где стояла арендованная машина.

Рейнольдс подходит ко мне сзади.

– Мысли?

– Этот тип открыл ей дверцу.

– И что?

– Ноги у него не заплетались. Он не возился полчаса с ключами. Не забыл о джентльменских манерах.

– Повторяю: и что?

– Ты видела, как он выехал отсюда?

– Видела.

– Ни вихляний, ни резких остановок, ни рывков.

– Это лишено смысла.

Я иду по дороге.

– Ты куда? – спрашивает она.

Я не останавливаюсь. Рейнольдс шагает следом.

– Далеко до того поворота?

Она задумывается, потому что, как мне кажется, начинает понимать, к чему я клоню.

– Второй направо.

Я почти так и предполагал. Прогулка от бара занимает не больше пяти минут. На месте убийства я поворачиваюсь в сторону бара, потом смотрю на очерченный мелом силуэт – там лежал Рекс.

Я не вижу в этом смысла. Пока. Но уже приближаюсь к пониманию.

– Рекс остановил их почти сразу же, – говорю я.

– Может, он приглядывал за баром.

– Если мы посмотрим видеозапись, то наверняка увидим, как из бара вываливаются гораздо более пьяные ребята, – продолжаю я. – Так почему они?

Рейнольдс пожимает плечами:

– Может, остальные были местными. А у этого номера прокатной компании.

– Прищучить чужака?

– Именно.

– А этим чужаком в машине оказывается девушка, которую Рекс знал по школе.

Ветер усиливается. Несколько выбившихся прядей падают Рейнольдс на лицо. Она убирает их.

– Я сталкивалась и не с такими совпадениями.

– И я тоже.

Но тут не совпадение. Я пытаюсь вообразить это. Начиная с того, что мне известно, – Маура и пожилой человек в баре, они выходят, он придерживает для нее дверцу, они уезжают, Рекс их останавливает.

– Нап?

– Мне нужно, чтобы ты нашла кое-что, – говорю я.

Глава шестая

Запись с камеры видеонаблюдения в прокатной компании более высокого качества. Я молча просматриваю запись. Типичный случай – и эта камера установлена слишком высоко. Всем плохим ребятам это известно, и они предпринимают простые меры противодействия. В данном случае человек с украденными документами на имя Дейла Миллера появился в бейсбольной шапочке, надвинутой на лоб. Он наклоняет вперед голову, отчего разглядеть его лицо практически невозможно. Может быть, только конец бороды и вижу. Он прихрамывает.

– Профессионал, – сообщаю я Рейнольдс.

– В смысле?

– Шапочка почти на носу, голова опущена, притворная хромота.

– С чего ты взял, что хромота притворная?

– С того же, с чего я узнал походку Мауры. Походка может быть легко узнаваемой. Какой наилучший способ исказить свою походку и заострить внимание на чем-то не имеющем смысла?

– Начать прихрамывать, – соглашается Рейнольдс.

Мы выходим из хибарки, в которой располагается офис, на прохладный ночной воздух. Я вижу вдали человека, закуривающего сигарету. Он поднимает голову, выдыхает облач-

ко дыма – точно как мой отец. После смерти отца я начал курить и дымил больше года. Знаю, это идиотизм. Отец умер от рака легких, а курил всю жизнь, тем не менее я отреагировал на его жуткую смерть именно тем, что начал курить. Я любил выходить на воздух с сигаретой, как этот человек. Может быть, это мне и нравилось: когда я закуривал, люди держались от меня подальше.

– С возрастом тоже не ясно, – продолжаю я. – Длинные волосы и борода могут быть маскировкой. Нередко преступник выдает себя за старика, чтобы его недооценивали. Рекс останавливает машину для проверки, видит старика, отключает осторожность.

Рейнольдс кивает:

– Я еще отдам пленку на поккадровый просмотр, – может, найдут что-нибудь более четкое.

– Ясно.

– У тебя есть гипотеза, Нап?

– Не совсем.

– И все же?

Я вижу, как человек глубоко затягивается, выпускает дым через ноздри. Я теперь франкофил: вино, сыр, быстрая речь – полный комплект, что, возможно, объясняет, почему мой курительный период был таким коротким. Французские сигареты. Много. Конечно, я естественным образом пришел к *франкофилизму* – изобретенное мной словечко, – я ведь родился в Марселе и первые восемь лет жизни провел в Лио-

не. Для меня это не показуха, как у всяких мудаков, которые ничего не понимают в вине, но отчего-то не могут обходиться без специального контейнера для переноски бутылок, а с извлеченной из горлышка пробкой обращаются, как с языком любовницы.

– Нап?

– Ты веришь в прозрения, Рейнольдс? В интуицию у копа?

– Ни хрена не верю, – отвечает Рейнольдс. – Все идиотские ошибки, которые совершает коп, происходят оттого, – она показывает кавычки пальцами, – что он полагается на «прозрения» и «интуицию».

Мне нравится Рейнольдс. Очень нравится.

– Именно это я и имел в виду.

День был долгий. У меня такое ощущение, что я отдубасил Трея битой месяц назад. Я дожигал остатки адреналина, а теперь выдохся. Но, как я уже сказал, мне нравится Рейнольдс. Может быть, я в долгу перед ней. И я решаю – почему нет?

– У меня был брат-близнец. Его звали Лео.

Она ждет.

– Слышала что-нибудь об этом? – спрашиваю я.

– Нет. А должна была?

Я качаю головой:

– У Лео была подружка, ее звали Дайана Стайлс. Мы все выросли в Вестбридже, откуда вы меня привезли.

– Приятный городок, – улыбается Рейнольдс.

– Да, приятный. – Не знаю, как ей это рассказать. Смысла в этом никакого нет, поэтому я продолжаю нести вздор: – И вот наш выпускной год, мой брат Лео встречается с Дайаной. Они уходят как-то вечером. Меня нет рядом. У меня хоккейный матч в другом городке. Мы играли против команды из Парсиппани-Хиллз. Странные дела вспоминаются. Я забил два гола и сделал две голевые передачи.

– Впечатляет.

Я чуть улыбаюсь моей прежней жизни. Если я закрою глаза, то смогу вспомнить все мгновения той игры. Мой второй гол был победным. Мы играли в неполном составе. Я перехватил шайбу перед самой синей линией, пошел вдоль левого борта, обманул вратаря и с неудобной руки перебросил шайбу через его плечо. Жизнь до – и жизнь после.

Шаттл из аэропорта с надписью «Автомобили в аренду от Сэла» останавливается перед хибаркой. Усталые пассажиры – все кажутся усталыми, когда берут машину, – выходят из автобуса и становятся в очередь.

– Ну, ты сыграл в хоккей в соседнем городке, – подсказывает мне Рейнольдс.

– В ту ночь Лео и Дайана попали под поезд. Погибли мгновенно.

– Какой ужас... – Рейнольдс подносит ладонь ко рту.

Я молчу.

– Несчастный случай? Самоубийство?

– Никто не знает, – пожимаю плечами я. – По крайней

мере, я не знаю.

Последний пассажир из шаттла – грузный бизнесмен, он тащит тяжеленный чемодан с отломанным колесиком. Лицо от напряжения неоновое-красное.

– Официальное расследование проводилось? – спрашивает Рейнольдс.

– Несчастный случай, – говорю я. – Двое молодых людей из выпускного класса, в организме много алкоголя и наркотики. По тем железнодорожным путям часто ходили, иногда ради дурацкого куража. В семидесятых там погиб парнишка – пытался запрыгнуть в вагон. В общем, вся школа была ошарашена, все погрузились в траур. В прессе была масса ханжеских статей, остерегающих других: «молодые, красивые, наркотики, алкоголь, что случилось с нашим обществом...». Ну ты сама все это знаешь.

– Знаю, – отвечает Рейнольдс. – Ты сказал – выпускной класс?

Я киваю.

– А ты тогда встречался с Маурой Уэллс.

Она молодец.

– А точнее – когда Маура убежала?

Я снова киваю.

– Черт! – трясет головой Рейнольдс. – И как скоро после этого?

– Через несколько дней. Ее мать заявила, что она попала под мое дурное влияние. И она пожелала отослать дочку из

этого ужасного города, где молодые люди колются, напиваются и ходят по железнодорожным путям. Маура предположительно уехала в школу-пансион.

– Убедительно, – говорит Рейнольдс.

– Да.

– Но ты не купился?

– Нет.

– А где была Маура в ту ночь, когда погибли твой брат и его девушка?

– Не знаю.

Теперь Рейнольдс все понимает.

– Ты поэтому все еще ее разыскиваешь. Дело не в ослепительном вырезе платья.

– Хотя и это сбрасывать со счетов не стоит.

– Мужики... – вздыхает Рейнольдс. Она подходит ближе. – Ты думаешь, Мауре что-то известно о смерти твоего брата?

Я молчу.

– И почему ты так думаешь, Нап?

Я показываю кавычки пальцами.

– «Прозрение», – говорю я. – «Интуиция».

Глава седьмая

У меня есть жизнь и работа, поэтому я заказываю такси до дома.

Звонит Элли, спрашивает, что новенького, но я говорю – потом. Мы договариваемся позавтракать в дайнере¹⁰ «Армстронг». Я отключаю телефон, закрываю глаза и сплю остальную часть пути. Я плачú водителю, предлагаю добавить еще, чтобы он мог переночевать в мотеле.

– Не, мне нужно вернуться, – отвечает водитель.

Я даю чаевые с избытком. Для копа я довольно богат. А почему нет? Я единственный наследник отца. Некоторые люди говорят, что деньги – корень всех зол. Вероятно. Другие говорят: не в деньгах счастье. Может, так оно и есть. Но если правильно с ними обращаться, то за деньги можно купить свободу и выиграть время, а это гораздо более осязаемо, чем счастье.

Уже первый час, но я все же сажусь в машину и направляюсь в Медицинский центр Клары Маас в Беллвиле. Я показываю удостоверение и поднимаюсь на этаж, где лежит Трей. Заглядываю в его палату. Трей спит, его нога висит в воздухе в огромном гипсе. Никаких посетителей. Я показываю удостоверение медсестре и говорю, что расследую нападение на

¹⁰ *Дайнер* – тип ресторана быстрого обслуживания.

него. Она говорит мне, что Трей сможет самостоятельно ходить не раньше, чем через полгода. Я благодарю ее и ухожу.

Потом возвращаюсь в свой пустой дом, ложусь на кровать, разглядываю потолок. Иногда я забываю, насколько странно холостяку жить в таком районе, но я уже привык к этому. Я думаю о том, какими обещаниями начался тот вечер. Я вернулся домой после победы над Парсиппани-Хиллз, исполненный надежд. Разведчики из Лиги плюща¹¹ были тем вечером на матче. Двое из них там же сделали мне предложение. Как мне не терпелось сказать об этом тебе, Лео. Я сидел в кухне с отцом и ждал твоего возвращения. Хорошая новость становилась хорошей новостью только после того, как я делился ею с тобой. Я разговаривал с отцом и ждал, мы оба прислушивались – не подъезжает ли твоя машина. У большинства ребят в городе был комендантский час, но нас отец никогда не ограничивал. Некоторые родители считали, что он отлынивает от отцовских обязанностей, но он только пожимал плечами и говорил, что доверяет нам.

Но ты не вернулся в десять, в одиннадцать, в двенадцать. И когда машина наконец появилась на нашей дорожке около двух часов ночи, я побежал к двери.

Только это, конечно, был не ты. Это был Оги в патрульной машине.

¹¹ *Лига плюща* – ассоциация восьми ведущих частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США.

Я просыпаюсь утром и долго принимаю горячий душ. Хочу, чтобы мне ясно думалось. За ночь никаких новых фактов о Рексе не добавилось. Я сажусь в машину и направляюсь в дайнер «Армстронг»». Если желаете узнать, где лучше всего перекусить в городе, всегда спрашивайте у копа. «Армстронг» – своего рода гибрид. Внешне это типичный небольшой ньюджерсийский ресторанчик в стиле ретро – внутри хром и неон, большие красные буквы на крыше сообщают: «БУФЕТ». Бар с лимонадным фонтанчиком, на доске от руки написаны названия блюд дня, полукабинеты отделаны искусственной кожей. Но кухня – высший класс, причем социально ориентированная. Подают кофе с сертификатом «Справедливой торговли»¹². Еда – «с местной фермы», и когда вы заказываете яйца, то не думаю, что они из какого-то другого места.

Элли ждет меня за угловым столиком. Какое бы время я ей ни назначил, она всегда приходит первая. Сажусь напротив нее.

– Доброе утро! – говорит Элли с воодушевлением, которого, как всегда, в избытке.

Я морщусь. Ей это нравится. Элли сгибает ногу и усаживается на пятку, чтобы казаться выше. Когда смотришь на Элли, кажется, что она двигается, даже если сидит. Ее пере-

¹² «Справедливая торговля» («Fair Trade») – общественное движение, направленное на помощь производителям развивающихся стран и отстаивающее справедливые стандарты международной торговли.

полняет энергия. Я никогда не измерял ее пульса, но готов поклясться, что он зашкаливает за сотню, даже когда она в спокойном состоянии.

– С кого начнем? – спрашивает Элли. – С Рекса или Трея?

– С кого?

– С Трея. – Элли смотрит на меня, наморщив лоб.

У меня непроницаемое лицо.

– Трей – бойфренд Бренды, он ее нещадно колотит.

– Верно. Так что с ним?

– Кто-то напал на него с бейсбольной битой. Он теперь долго не сможет ходить.

– Какая жалость! – говорю я.

– Да, вижу, тебя эта новость просто сломала.

Я чуть не добавляю: «Сломала, как ногу Трея», но успеваю прикусить язык.

– Но тут есть и положительная сторона, – продолжает Элли. – Бренда вернулась в его дом. Она забрала свои вещи и вещи детей и наконец смогла уснуть спокойно. Мы все за это благодарны. – Элли задерживает на мне взгляд на секунду дольше привычного.

Я киваю. Потом говорю:

– Рекс.

– Что?

– Ты спросила, с кого я хочу начать – с Рекса или Трея.

– С Треем мы уже все выяснили, – говорит она.

Теперь я смотрю на нее:

– Значит, с Треем мы покончили?

– Да.

– Хорошо, – отвечаю я.

Банни, официантка, – мы учились с ней в одном классе – подходит с карандашом за ухом и наливает нам «честный» кофе.

– Вам как обычно – фермерские? – спрашивает Банни.

Я киваю. Элли тоже. Мы здесь постоянные посетители. Чаще всего мы заказываем сэндвичи с проколотой глазуньей. Элли предпочитает «простой»: два яйца на дрожжевом хлебе с белым чеддером и авокадо. Я беру то же самое, но с добавкой бекона.

– Так расскажи мне про Рекса, – просит Элли.

– Они нашли отпечатки на месте преступления, – отвечаю я. – Это отпечатки Мауры.

Элли моргает слишком широко раскрытыми глазами.

В моей жизни хватало несчастий. У меня нет ни семьи, ни подружки, ни хороших перспектив, друзей можно по пальцам перечесть. Но эта замечательная личность, эта женщина, чья открытая доброта так ослепительно сияет в самой черной из ночей, – мой лучший друг. Подумать только. Элли выбрала меня на эту роль – роль лучшего друга, – и это значит, как бы я ни напортачил, кое-что я все же делаю правильно.

Я рассказываю ей все.

Когда дохожу до Мауры, которая знакомится с мужчинами в баре, Элли морщится:

– Ах, Нап!

– Все в порядке.

Элли смотрит на меня со скептицизмом, которого я обычно заслуживаю.

– Я не думаю, что она клеила мужиков, – качаю я головой.

– А что тогда?

– В некотором роде это может быть хуже.

– Каким образом?

Я отметаю ее вопрос. Не имеет смысла строить догадки, пока Рейнольдс не позвонит мне с новой информацией.

– Когда мы говорили вчера, – уточняет Элли, – ты уже знал об отпечатках Мауры?

Я киваю.

– Я поняла это по твоему голосу. То есть когда умирает наш старый школьный приятель, да, это серьезно, но в твоём голосе... Как бы то ни было, я взяла на себя инициативу. – Элли залезает в свою сумку размером с армейский рюкзак и вытаскивает оттуда большую книгу. – Я нашла кое-что.

– Что это?

– Твой школьный выпускной альбом.

Она роняет альбом на пластиковую столешницу.

– В начале выпускного класса ты заказал себе альбом, но так его и не забрал – по очевидным причинам. И я хранила его для тебя.

– Пятнадцать лет? – восклицаю я.

Теперь настала очередь Элли пожимать плечами.

– Я была главой комитета по выпуску ежегодника.

В школе Элли была вся такая аккуратная и правильная, носила свитера и жемчужные сережки, училась на отлично, однако вечно стонала, что завалит контрольную, которую всегда сдавала первой и получала безупречное «А», а потом до конца урока сидела в классе, делая домашнее задание. Она на всякий случай таскала с собой несколько идеально заточенных карандашей, а ее тетрадь неизменно выглядела так, будто Элли – первый день в школе.

– И почему ты теперь даешь его мне? – спрашиваю я.

– Мне нужно показать тебе кое-что.

Я замечаю, что некоторые страницы заложены розовыми стикерами. Элли облизывает палец и перелистывает страницы почти до конца.

– Ты никогда не спрашивал себя, как мы обошлись с Лео и Дайаной?

– Как обошлись?

– В ежегоднике. Комитет разделился. Оставить ли их фотографии на обычных местах, в алфавитном порядке, со всем классом, как и фото любого другого выпускника. Или расположить их в специальном разделе типа некролога, в конце.

Я отпиваю воды.

– Вы и в самом деле спорили об этом?

– Ты, вероятно, не помнишь – мы тогда не знали друг друга настолько хорошо, – но я спросила тебя, что ты об этом

думаешь.

– Помню.

Я тогда рыкнул на нее, сказал, что мне все равно, хотя выразился, вероятно, более красочно. Лео умер. Мне было плевать, как будет выглядеть выпускной альбом.

– В конце концов комитет решил извлечь их из общего списка и создать некролог. Секретарь класса... Ты помнишь Синди Монро?

– Да.

– Она иногда бывала просто анальником.

– Хочешь сказать – геморроем?

– Разве анальник значит не то же самое? – Элли подается вперед. – Как бы то ни было, Синди Монро напомнила нам, что, технически говоря, главные страницы были отданы выпускникам.

– А Лео и Дайана умерли до выпуска.

– Да.

– Элли...

– Что?

– Мы можем теперь перейти к сути?

– Два сэндвича с проколотой глазуньей, – говорит Банни и ставит перед нами тарелки. – Приятного аппетита!

От сэндвичей поднимается аромат, который попадает в ноздри, теребит желудок. Я тянусь к сэндвичу, аккуратно беру его обеими руками, откусываю. Желток начинает растекаться по хлебу.

Амброзия. Манна. Божественный нектар. Выбирай тер-
мины сам.

– Не хочу погубить твой завтрак, – произносит Элли.

– Элли...

– Отлично. – Она открывает ежегодник на странице, ко-
торая почти в самом конце.

И я вижу тебя, Лео.

На тебе моя поношенная спортивная куртка, потому что,
хотя мы и близнецы, я всегда был крупнее. Кажется, я ку-
пил эту куртку в восьмом классе. Галстук отцовский. Узлы
ты категорически не умел завязывать. Тебе галстуки всегда
завязывал отец, делая это с изяществом. Кто-то попытался
уложить твои непокорные волосы, но они плохо слушались.
Ты улыбаешься, Лео, и я не могу удержаться, улыбаюсь тебе
в ответ.

Я не первый, кто преждевременно теряет брата или сест-
ру. И не первый, кто теряет брата-близнеца. Твоя смерть ста-
ла катастрофой, но моя жизнь на этом не кончилась. Я вос-
становился. Вернулся в школу через две недели после той
ночи. И даже участвовал в хоккейном матче в следующую
субботу против «Моррис Ноллс» – это пошло мне на поль-
зу, хотя, вероятно, играл я с чрезмерной яростью. Получил
десятиминутное удаление за то, что чуть не вмял в стекло
одного из команды противников. Тебе бы это понравилось.
Я, конечно, был слишком мрачен в школе. Несколько недель
все относились ко мне с повышенным вниманием. Когда у

меня снизились отметки по истории, я помню, миссис Фридман по-доброму, но твердо сказала мне, что твоя смерть меня не оправдывает. Она была права. Жизнь продолжается, как ей и следует, хотя она и стала кошмаром. Когда ты скорбишь, у тебя, по крайней мере, есть что-то. А когда скорбь утихает, что остается? Ты продолжаешь жить дальше, но я жить дальше не хотел.

Оги говорит, что я поэтому одержим подробностями и не хочу принимать то, что очевидно другим.

Я смотрю на твое лицо. Когда я начинаю говорить, голос мой звучит странновато:

– Почему ты мне это показываешь?

– Ты посмотри на лацкан Лео.

Элли протягивает руку над столом и показывает пальцем на маленькую серебряную булавку. Я снова улыбаюсь.

– Скрещенные «К», – говорю я.

– Скрещенные «К»?

Я все еще улыбаюсь, вспоминая твое глупое увлечение.

– Это называлось Конспиративным клубом.

– В вестбриджской школе не было Конспиративного клуба.

– Да, официально не было. Предполагалось, что это нечто вроде тайного общества.

– Значит, ты об этом знаешь?

– Конечно.

Элли берет в руки ежегодник. Открывает на одной из

страниц в начале и поворачивает ко мне. Я вижу свою фотографию.

Поза напряженная, улыбка натянутая. Бог ты мой, я похож на фаллоимитатор! Элли показывает на мой пустой лацкан.

– Я не входил в клуб.

– А кто входил?

– Я же говорю – предполагалось, что это тайное общество. Никто не должен был знать. Организовали такую дурацкую группу ботаников-единомышленников...

Я замолкаю, когда она снова принимается переворачивать страницы.

Я вижу фото Рекса Кантона. У него стрижка ежиком и щербатая улыбка. Голова чуть наклонена набок, словно кто-то его удивил.

– Вот я о чем, – начинает Элли. – Когда ты назвал Рекса, я первым делом нашла его в ежегоднике. И увидела вот это.

Она показывает на крохотный значок «КК» на его лацкане.

– Ты знал, что он состоял в клубе?

– Но я и не спрашивал, – качаю я головой. – Я же тебе сказал – предполагалось, что это маленькое тайное общество. Я не особо этим интересовался.

– А других членов ты знаешь?

– Они не должны были говорить об этом, но... – Я встречаюсь с ней взглядом. – А Маура есть в альбоме?

– Нет. Когда она перевелась, мы изъяли ее фотографию.

Она была членом клуба?..

Я киваю. Маура приехала в Вестбридж к концу предпоследнего года учебы. Она была для нас загадкой – высокомерная суперсексапильная девица, которая, казалось, не проявляет ни малейшего интереса к школьным обычаям. На уик-энды она ездила на Манхэттен. С рюкзаком путешествовала по всей Европе. Она была непонятная, таинственная, и ее влекли опасности. В общем, девицы подобного типа встречаются со студентами колледжей и преподавателями. Мы все были для нее слишком провинциальными. Как тебе удалось с ней подружиться, Лео? Ты мне никогда не говорил. Помню, я как-то пришел домой, а вы вдвоем делали домашнее задание за кухонным столом. Я глазам своим не поверил. Ты с Маурой Уэллс!

– Я... мм... посмотрела фото Дайаны, – произносит Элли.

У нее перехватывает горло. Элли со второго класса начальной школы была лучшей подругой Дайаны. Наша дружба с Элли завязалась и на этом – на общей скорби. Я потерял тебя, Лео. Она – Дайану.

– У Дайаны нет булавки. Я думаю, она сказала бы мне о клубе, если бы состояла в нем.

– Она бы не стала вступать в клуб, – возражаю я. – Разве что присоединилась, когда начала встречаться с Лео.

– Ну хорошо, так что это за Конспиративный клуб? – Элли принимается за свой сэндвич.

– У тебя будет несколько минут, когда мы позавтракаем?

– Да.

– Тогда давай прогуляемся. Это облегчит объяснение.

Элли кусает сэндвич, желток стекает ей на руки, она вытирает ладони и лицо.

– Ты думаешь, есть какая-то связь между этим и...

– Тем, что случилось с Лео и Дайаной? Может быть. А ты что думаешь?

Элли берет вилку и размазывает желток.

– Я всегда думала, что их смерть – несчастный случай. – Она смотрит на меня. – Считала, что иные твои гипотезы... маловероятны.

– Ты мне никогда этого не говорила.

Элли пожимает плечами:

– А еще я думала, что тебе лучше иметь союзника, чем кого-то, кто будет тебе твердить, что ты рехнулся.

Я не знаю толком, как реагировать на это, а поэтому просто говорю:

– Спасибо.

– Но теперь... – Элли морщится, погружаясь в размышления.

– Что теперь?

– Мы знаем судьбу по меньшей мере трех членов клуба.

– Лео и Рекс мертвы, – киваю я.

– А Маура, исчезнувшая пятнадцать лет назад, оказалась на месте убийства Рекса.

– А кроме того, – добавляю я, – Дайана могла стать членом

клуба после того, как сделали снимок.

– Это означает, что мертвы уже трое. В любом случае... ну, я бы сказала, самонадеянно считать, что их судьбы никак не связаны.

Я беру сэндвич, кусаю еще раз, опустив глаза, но чувствую: Элли смотрит на меня.

– Нап?

– Что?

– Я просмотрела весь альбом с увеличительным стеклом. Проверила все лацканы на предмет этой булавки.

– Нашла еще кого-то? – спрашиваю я.

– Еще двоих, – кивает Элли.

Еще два наших одноклассника носили булавку.

Глава восьмая

Мы идем по старой тропке за средней школой Бенджамина Франклина. Когда мы учились, эта дорожка называлась Тропинка, или Тропа. Оригинально, правда?

– Не могу поверить, что Тропинка еще здесь, – улыбается Элли.

– Ты ходила сюда? – вскидываю я бровь.

– Я? Никогда. Это дорожка для безбашенных.

– Безбашенных?

– Я не хотела говорить «плохих» или «хулиганистых». – Элли притрагивается пальцами к моей руке. – Ты сюда ходил, да?

– В основном в выпускном классе.

– Алкоголь? Наркотики? Секс?

– В одном флаконе, – отвечаю я. А потом с грустной улыбкой добавляю кое-что – никому другому я бы это не сказал: – Но алкоголь и наркотики меня особо не интересовали.

– Маура...

Подтверждения не требуется.

Лесок за средней школой был тем местом, куда ребята ходили покурить, выпить, уколоться или заняться сексом. В каждом городке есть такое место. Внешне Вестбридж ничем от них не отличается. Мы начинаем подниматься по склону холма. Лесок обдувается ветром и вытянут в длину, нель-

зя сказать, что он широк. Чувствуешь себя так, будто ушел на много миль от цивилизации, а на самом деле ты всего в нескольких сотнях ярдов от городской улицы.

– Городской поцелуйник, – говорит Элли.

– Да.

– И даже больше...

Нет нужды отвечать. Мне не нравится, что я здесь. Не заходил сюда после той ночи, Лео. И дело не в тебе. Не совсем в тебе. Ты погиб на железнодорожных путях в другой части города. Вестбридж довольно большой. У нас тридцать тысяч жителей. Шесть начальных школ, две средние и одна старшая. Город занимает площадь почти пятнадцать квадратных миль. Чтобы доехать отсюда до того места, где погибли вы с Дайаной, мне нужно не меньше десяти минут, да и то если попаду в «зеленую волну».

Этот лесок напоминает мне о Мауре. Напоминает о том, что я пережил с ней. Напоминает о том, что ни с кем другим после нее – о да, я понимаю, как это звучит, – я ничего подобного не чувствовал.

Я говорю о физических ощущениях?

Да.

Назови меня свиньей, мне все равно. Моя единственная защита в уверенности: физическое переплетено с эмоциональным, ведь смешные сексуальные высоты, достигнутые восемнадцатилетним парнем, заключались не в технике, не в новизне, не в экспериментаторстве, не в ностальгии, но в

чем-то более глубоко и сложном.

Но я к тому же человек достаточно искушенный, чтобы согласиться с тем, будто все это полная ерунда.

– Я толком не знала Мауру, – говорит Элли. – Она приехала – когда? – к концу предпоследнего года?

– Да, в то лето.

– Я ее типа побаивалась.

Я киваю. Как я уже сказал, Элли была отличницей. В том альбоме есть фотография, на которой мы вместе с Элли, – потому что нас называли: «Наиболее вероятные претенденты на успех». Смешно? Нет. До того как сфотографироваться, мы почти не знали друг друга, но я всегда считал, что Элли – маленькая зануда. Что у нас может быть общего? Я, вероятно, смог бы составить в уме этапы становления нашей с Элли дружбы, после того как был сделан этот снимок: мы сблизились, потеряв Лео и Дайану; поддерживали дружеские отношения, когда она уехала в Принстонский университет, а я остался дома... Короче, все эти дела. Но вот так чтобы с ходу – нет, подробностей я не помню, не могу сказать, что мы увидели друг в друге, кроме скорби, огороженной дорожными знаками. Я просто благодарен ей.

– Она казалась старше нас, – говорит Элли. – Это я о Мауре. Более опытной. Ну, не знаю... сексуальной.

Мне трудно с этим спорить.

– Знаешь, у некоторых девчонок просто есть это. Будто все, что они делают, нравится тебе или нет, имеет второй

смысл. Это, наверное, звучит сексистски?

– Немного.

– Но ты меня понимаешь.

– Да, хорошо понимаю.

– Двумя другими членами Конспиративного клуба были Бет Лэшли и Хэнк Страуд. Ты их помнишь?

Я их помню.

– Они дружили с Лео. Ты их знала?

– Хэнк был математическим гением, – говорит Элли. – Я помню его на уроках математики в девятом классе, а потом для него составили специальную программу. Он, кажется, поступил в Массачусетский технологический.

– Да, – отвечаю я.

Интонация Элли становится мрачной:

– Ты знаешь, что с ним случилось?

– Кое-что. В последний раз, когда я о нем слышал, он был в городе. Он играет в стритбол у стадиона.

– Я его видела – когда? – шесть месяцев назад. У вокзала, – трясет головой Элли. – Болтает сам с собой, заговаривается. Это ужасно. Такая грустная история, правда?

– Да.

– Давай-ка перечислим членов клуба. – Элли останавливается, прислоняется к дереву. – Допустим, Дайана тоже вступила в его ряды.

– Допустим, – отвечаю я.

– Значит, у нас есть шесть членов: Лео, Дайана, Маура,

Рекс, Хэнк и Бет.

Я иду дальше. Элли догоняет меня, продолжая говорить:

– Лео мертв. Дайана мертва. Рекс мертв. Маура пропала.

Хэнк, ну, Хэнк... как мы его назовем? Бездомный?

– Нет, – говорю я. – Он амбулаторный больной в «Эксекс-Пайнс».

– Значит, он – душевнобольной?

– Скажем так.

– Остается Бет.

– Что ты о ней знаешь?

– Ничего. Уехала учиться в колледж и не вернулась. Я координатор нашего выпуска, поэтому пыталась ее найти, получить адрес электронной почты, ну, пригласить на встречи одноклассников. Ничего.

– А ее родители?

– Последнее, что я о них слышала, – они переехали во Флориду. Я и им написала, но они не ответили.

Хэнк и Бет. Нужно поговорить с ними. А что им сказать?

– Мы куда идем, Нап?

– Недалеко, – отвечаю я.

Я хочу кое-что показать ей, а может, хочу увидеть сам. Я посещаю старых призраков. Воздух наполнен запахом сосновых шишек. Время от времени нам попадаются разбитые бутылки или пустые пачки из-под сигарет.

Мы уже совсем рядом. Я знаю: это мое воображение, но воздух вдруг словно замирает. Ощущение такое, будто здесь

кто-то есть, наблюдает за нами, затаив дыхание. Я останавливаюсь у дерева, провожу рукой по коре. Нащупываю старый ржавый гвоздь. Перехожу к следующему дереву, провожу рукой – еще один ржавый гвоздь. Я думаю.

– Что? – недоумевает Элли.

– Я сюда никогда не приходил.

– Почему?

– Доступ сюда был закрыт. Эти гвозди... Тут всюду висели знаки.

– Типа «Проход воспрещен»?

– На знаках было написано: «Запретная зона» – надписи большими красными буквами, – говорю я. – А под ними множество пугающих маленьких буковок, сообщающих, что место закрыто в соответствии с каким-то законом под номером «та-та-та» и все может быть конфисковано, фотографировать запрещено, вы будете обысканы, бла-бла-бла. Заканчивалось все следующими словами, напечатанными курсивом: *«Разрешено применение летального воздействия»*.

– Так и было написано? Про летальное воздействие?

Я киваю.

– У тебя хорошая память, – отмечает она.

Я улыбаюсь:

– Маура украла один из знаков и повесила у себя в спальне.

– Шутишь.

Яжимаю плечами.

– Ты любил плохих девочек! – Элли подталкивает меня плечом.

– Может быть.

– И до сих пор любишь. В этом-то и проблема.

Мы идем дальше. Странное ощущение – быть там, где висели запрещающие знаки, словно какое-то невидимое силовое поле наконец исчезло и позволило двигаться вперед. Через пятьдесят ярдов видим остатки колючей проволоки. А когда подходим ближе, становятся видны руины сооружений, торчащие над подлеском и зарослями.

– Я в одиннадцатом классе писала доклад об этом, – вспоминает Элли.

– О чем?

– Ты ведь знаешь, что здесь находилось?

Я знаю, но хочу, чтобы она сама мне сказала.

– База ракет «Найк», – говорит она. – Многие в это не верят, но так оно и было. Во время холодной войны – я говорю о пятидесятых годах – армия прятала эти базы в таких городках, как наш. Их открывали на фермах или в лесах вроде этого. Люди думали, что это сплетни, но база здесь была.

В воздухе тишина. Мы подходим ближе. Я вижу то, что прежде, вероятно, было казармами. Пытаюсь представить себе солдат, машины, стартовые площадки.

– Отсюда могли запускать сорокафутовые ракеты «Найк» с ядерными боеголовками. – Элли прикладывает ладонь козырьком ко лбу и смотрит, словно все еще может видеть их. –

Это место, вероятно, всего в сотне ярдов от дома Карлино на Даунинг-роуд. «Найки», как предполагалось, должны защищать Нью-Йорк от советских ракет или бомбардировщиков.

Я с удовольствием слушаю это напоминание.

– Ты знаешь, когда отказались от программы «Найк»? – спрашиваю я.

– В начале семидесятых, кажется.

– Эту закрыли в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году, – киваю я.

– За четверть века до того, как мы были школьниками.

– Верно.

– И что?

– А то, что большинство людей, если ты спросишь старожилов, скажет тебе: если базы были секретными, то этот секрет был самым плохо охраняемым в Нью-Джерси. Все знали об этой базе. Один человек говорил, что одну ракету протаскивали на параде в День независимости. Я не знаю, правда это или нет.

Мы идем дальше. Я хочу проникнуть на территорию базы – не знаю почему, – но ржавая ограда все еще крепка, как старый солдат, отказывающийся уходить на покой. Мы стоим и смотрим сквозь сетку.

– База «найков» в Ливингстоне, – произносит Элли. – Там теперь парк. Для художников. Прежние казармы переделали в студии. База в Восточном Ганновере была снесена, и на этом месте развернули жилищное строительство. Есть еще

одна база в Санди-Хук, где можно совершить экскурсию, посвященную холодной войне.

Мы подаемся вперед. Лес абсолютно недвижим. Молчат птицы. Не шуршат листья. Прошлое не просто умерло. То, что случилось здесь, все еще витает над этой землей. Иногда нечто подобное можно почувствовать, когда посещаешь древние руины или старые имения. Или когда ты один в таком вот лесу. Отзвуки еле слышны, они замирают, но полной тишины нет.

– И что же случилось с этой базой после ее закрытия? – спрашивает Элли.

– Именно это и хотел узнать Конспиративный клуб.

Глава девятая

Мы возвращаемся к машине Элли. Она останавливается у водительской дверцы, обхватывает мои щеки ладонями. Это материнское прикосновение, я такое испытываю только с Элли, хоть это и звучит странно. Она с искренней озабоченностью смотрит на меня.

– Не знаю даже, что тебе сказать, Нап.

– Все в порядке.

– Может быть, это лучше всего для тебя.

– То есть как?

– Не хочу, чтобы это звучало мелодраматично, но призраки прошлого из той ночи все еще держат тебя. Может быть, знание правды освободит их.

Я киваю и закрываю ее дверцу. Провожая взглядом ее машину. Когда иду к своей, звонит мой мобильник. Это Рейнольдс.

– Как ты узнал? – спрашивает она.

Я молчу.

– В трех других случаях полицейский Рекс Кантон останавливал пьяных водителей на том же месте.

Я молчу. Рейнольдс могла выяснить это за считанные минуты. Но у нее найдется что добавить, и я с большой долей вероятности могу предсказать, о чем она сейчас доложит.

– Нап...

Она хочет разыграть это таким образом, поэтому я перебиваю:

– Все это были проверки мужчин, верно?

– Верно.

– И все в это время разводились и судились по поводу опеки.

– Суды по поводу опеки, – подтверждает Рейнольдс. – Все три.

– Не думаю, что только три, – говорю я. – Он, возможно, использовал и другие точки.

– Я просматриваю все проверки, проведенные Рексом. На это может уйти какое-то время.

Я сажусь в машину, завожу двигатель.

– Как ты узнал? – спрашивает Рейнольдс. – Только не говори мне про интуицию и прозрение.

– Наверняка я не знал, но Рекс остановил машину уж слишком близко от бара.

– Возможно, он патрулировал этот район.

– Но мы видели запись. Несмотря на хреновое качество, видно, что водитель шел ровно и ехал нормально. Так почему Рекс его остановил? И, по совпадению, женщина в машине училась в одном классе с Рексом – это уж слишком. Ничем, кроме подставы, это и быть не могло.

– И все же я не понимаю, – качает головой Рейнольдс. – Неужели этот тип прилетел, чтобы прикончить Рекса?

– Не исключено.

– Твоя бывшая помогала ему?

– Не думаю, – отвечаю я.

– Это в тебе говорит любовь?

– Нет, логика.

– Объясни.

– Ты слышала, что сказал бармен? Она пришла, выпивала с ним, напоила его, усадила в машину. Ей бы не потребовалось делать это, если бы она и гангстер работали на пару.

– Это могло быть частью постановки.

– Могло, – киваю я.

– Но твои рассуждения логичны. Значит, ты считаешь, что Маура работала с Рексом?

– Да.

– Это не значит, что она и Рекса не подставила.

– Верно.

– Но если она не причастна к убийству, то где она теперь?

– Не знаю.

– Гангстер мог наставить на нее пистолет. Мог вынудить ее сесть за руль. Мог заставить везти его в аэропорт или куда угодно.

– Не исключено.

– И что потом?

– Мы бежим впереди паровоза, – говорю я. – Сначала нужно походить ножками. Сомневаюсь, что жены в этих судах по опеке приходили к Рексу и говорили: «Слушайте, мне нужно уничтожить репутацию моего мужа».

– Верно. Тогда как они нанимали его?

– Я думаю, через адвоката, специализирующегося на бракоразводных процессах. Это наш первый шаг, Рейнольдс. У трех женщин, вероятно, был один адвокат. Узнай, кто это, и мы поспрашиваем его о Рексе и Мауре.

– Он – или она, чтобы не быть сексистами, – скажут, что это входит в их адвокатские обязанности.

– Давай по порядку.

– Ладно, – соглашается Рейнольдс. – Возможно, убийца был одним из таких мужей, который жаждал мести.

Это имеет смысл, но я напоминаю ей, что у нас пока мало информации. Я молчу про Конспиративный клуб, поскольку ее находки, кажется, исключают такой вариант. Я все еще цепляюсь за мои маленькие глупые надежды, что убийство Рекса каким-то образом развернется в твою сторону, Лео. Думаю, это было бы вполне логично. Рейнольдс будет работать по проверкам на алкоголь. Я могу продолжать поиски по Конспиративному клубу. То есть буду искать Хэнка Страуда и Бет Лэшли.

Но не только, это означает и привлечение Оги.

Я бы с этим не торопился. Нет причин сыпать соль на его рану, в особенности если Оги предпринимает некоторые шаги в личной жизни. Но утаивать что-то от Оги не в моем стиле. Я бы не хотел, чтобы он решал, что мне можно делать, а что нельзя. Я должен относиться к нему с таким же уважением.

И все же Оги – отец Дайаны. Это будет нелегко.

Я выезжаю на 80-й хайвей, нажимаю кнопку на рулевом колесе и говорю моему телефону, чтобы соединил меня с Оги. Тот отвечает на третий звонок.

– Привет, Нап!

Оги – крупный старик с бочкообразной грудью. Голос его звучит с утешительной хрипловатостью.

– Вернулись с Хилтон-Хед?

– Вчера вечером.

– Значит, вы дома?

– Да, я дома. Что там случилось?

– Можно мне заглянуть к вам после смены?

– Да, конечно, – отвечает он после паузы.

– Как отдыхалось?

– До встречи. – Оги отключается.

Я прикидываю, был ли он один, когда мы разговаривали, или его новая подруга все еще с ним. Было бы неплохо, думаю я, но, в общем-то, это не мое дело.

Оги живет в кирпичном доме на Оук-стрит в районе, который вполне можно назвать «Берлоги разведенных мужей». Он переехал туда «временно» восемь лет назад, оставив Одри, матери Дайаны, дом, в котором они воспитывали их единственного ребенка. Несколько месяцев спустя Одри продала дом, не поставив Оги в известность. Одри сделала это – она сама мне об этом как-то сказала – в большей сте-

пени ради Оги, чем ради себя.

Оги открывает мне дверь, и я вижу в прихожей за его спиной клюшки для гольфа.

– Так как оно было на Хилтон-Хед? – спрашиваю я.

– Отлично!

– Вы брали их с собой? – Я показываю на клюшки.

– Ну, ты настоящий детектив.

– Не люблю хвастаться.

– Братъ – брал, но не играл, – говорит Оги.

Это вызывает у меня улыбку:

– Значит, все было хорошо с...

– С Ивонной.

– С Ивонной, – повторяю я, вздергивая бровь. – Отличное имя.

Оги отходит от двери, впуская меня, и говорит:

– Не думаю, что из этого что-нибудь получится.

Сердце у меня падает. Я никогда не видел Ивонну, но по какой-то причине представляю ее как уверенную в себе женщину с громким гортанным смехом, которой нравилось брать Оги под руку, когда они прогуливались по берегу около их отеля. Я чувствую утрату того, кого я никогда в жизни не видел.

Я смотрю на него, он пожимает плечами.

– Будет другая, – говорит Оги.

– Рыбы в море хватает, – соглашаюсь я.

Предполагать, что интерьер жилища Оги традиционный,

отвечающий всеобщему образцу, было бы неверно. Оги любит посещать ярмарки местного искусства и покупает картины. Он меняет их местами, никогда не держит на одном месте больше месяца-двух. Дубовый книжный шкаф со стеклянными дверцами набит книгами. Оги самый жадный читатель из всех, кого я знаю. Он разделил свои книги на две простые категории: художественные и нон-фикшен, – но расставил их не по порядку, даже не по алфавиту.

Я сажусь.

– Ты не на службе? – спрашивает Оги.

– Нет. А вы?

– Тоже.

Оги все еще капитан Вестбриджского полицейского отделения. Через год он уходит в отставку. Я стал копом из-за того, что случилось с тобой, Лео, но я не уверен, что я стал бы полицейским без наставничества Оги. Я сижу в том же роскошном кресле, что и всегда, когда прихожу к нему. Кубок, завоеванный в чемпионате штата футбольной командой школы – той командой, в которой играл я и которую тренировал он, – используется как подставка для книг. Кроме этого, в комнате ничего личного – ни фотографий, ни сертификатов, ни наград.

Он протягивает мне бутылку вина. «Шато О-Байи» 2009 года. В розницу стóит около двух сотен.

– Отличное вино! – говорю я.

– Открывай.

– Вам бы оставить ее для какого-нибудь особого случая.

– Разве твой отец так нам говорил? – Оги берет у меня бутылку, ввинчивает штопор в пробку.

– Нет, – улыбаюсь я.

Мой прадед, часто рассказывал отец, хранил свои лучшие вина для особых случаев. Его убили нацисты, занявшие Париж. Они же выпили и его вино. Урок: никогда не откладывай на потом. Когда я рос, мы всегда пользовались только лучшими тарелками. Лучшим постельным бельем. Пили из уотерфордского хрусталя. Когда отец умер, винный погреб был почти пуст.

– Твой отец использовал слова покрасивее, – замечает Оги. – Я предпочитаю цитату из Граучо Маркса¹³.

– Какую?

– «Я не пью вино, пока оно не выстоится». Вот оно и выстоялось.

Оги наливает вино в один бокал, потом во второй. Один передает мне. Мы чокаемся. Я слегка раскручиваю бокал, вдыхаю аромат. Ничего слишком показного.

Прекрасный букет: черника, слива, черносмородиновый ликер, а главная нота – можете мне поверить – стружка графитового карандаша. Я делаю глоток – сочность и спелость ягод, свежесть, яркость. Послевкусие длится не меньше минуты. Впечатляет.

¹³ *Граучо Маркс* – американский актер-комик, писатель, звезда театра, кино и телевидения, известен как мастер спонтанной остроумной шутки.

Оги ждет моей реакции. Мой кивок говорит ему обо всем. Мы оба смотрим на то место, где сидел бы отец, если бы был с нами. Боль утраты вибрирует где-то в глубине моей груди. Ему бы понравилась эта минута. Он ценил и вино, и эту компанию.

Отец точно подпадал под французский штамп «*joie de vivre*», что приблизительно можно перевести как «бурная радость жизни». Я не очень уверен в этом определении. Мой собственный опыт говорит, что французы любят чувствовать. Они в полной мере воспринимают как великую любовь, так и великую трагедию, не отступая или не занимая оборонительной позиции. Если жизнь бьет их в лицо, они выставляют подбородок и наслаждаются мгновением. То есть живут полной жизнью.

Таким был мой отец.

И вот почему я был для него большим разочарованием, Лео.

Так что, возможно, в важных делах я вовсе и не франкофил.

– Так с чем ты пришел, Нап?

Я начинаю с убийства Рекса, а потом ошарашиваю Оги отпечатками пальцев Мауры. Он с излишней осторожностью пробует вино. Я заканчиваю историю.

Я жду. Он ждет. Копы умеют ждать.

Оги поднимается.

– Это не мое дело. То есть не моя работа размышлять, что

тут к чему. Но по крайней мере, ты теперь знаешь.

– Знаю что?

– Кое-что о Мауре.

– Не очень много, – качаю я головой.

– Да, не очень.

Я молчу, делаю глоток.

– Позволь-ка я угадаю с одного раза, – говорит Оги. – Ты считаешь, что это убийство каким-то боком связано с Дайаной и Лео.

– Не знаю, готов ли я пока идти так далеко, – отвечаю я.

– Что у тебя есть? – вздыхает Оги.

– Рекс знал Лео.

– Он, вероятно, и Дайану знал. Вы ведь в одном классе учились? И городок у нас небольшой.

– Не только это.

Я достаю из сумки ежегодный альбом. Оги берет его у меня.

– Розовые закладки?

– Это Элли, – говорю я.

– Должен был догадаться. Так почему ты мне его показываешь?

Я объясняю про булавки и Конспиративный клуб, на лице Оги появляется довольная улыбка. Когда я замолкаю, он говорит:

– И какая у тебя гипотеза, Нап?

Я молчу. Его улыбка становится еще шире.

– Ты думаешь, этот Конспиративный клуб обнаружил большую страшную тайну о секретной военной базе? – спрашивает он, а потом начинает сгибать-разгибать пальцы, словно шаман. – Тайну, такую ужасную, что Дайану и Лео необходимо было заставить замолчать? Это твоя гипотеза, Нап?

Я делаю еще глоток вина. Оги расхаживает по комнате, раскрывая альбом на страницах с закладками.

– И теперь, спустя пятнадцать лет, Рекса по какой-то странной причине тоже нужно заставить замолчать. Странно, что это не сделали тогда, ну да бог с ним. Вдруг отправляют секретных агентов, чтобы от него избавиться. – Оги останавливается и смотрит на меня.

– Вам это нравится? – спрашиваю я.

– Пожалуй, да, немного. – Он открывает очередную страницу с закладкой. – Бет Лэшли. Она тоже мертва?

– Нет, не думаю. Я пока про нее ничего не узнал.

Оги лихорадочно переходит к следующей странице:

– О, и Хэнк Страуд здесь. Нам известно, он все еще в городе. Не вполне в своем уме, должен признать, но призраки его пока не забрали.

Оги переходит к следующей странице, но на этот раз замирает. Теперь в комнате воцаряется тишина. Я заглядываю в его глаза и думаю: вероятно, мое решение прийти сюда было не из лучших. Я не вижу точно страницу, на которую он смотрит, но это страница ближе к концу. Так что я знаю. Его

выражение не меняется, но меняется все остальное. Гримаса боли появляется на его лице. Рука его теперь чуть подрагивает. Я хочу сказать что-нибудь утешительное, но понимаю, что настало одно из тех мгновений, когда слова будут, как аппендикс, – избыточны и мучительны.

Поэтому я помалкиваю.

Я жду – Оги рассматривает фотографию своей семнадцатилетней дочери, которая так и не вернулась домой в тот вечер. Когда он начинает говорить, мне кажется, какая-то тяжесть лежит на его груди:

– Они были совсем детьми, Нап.

Я чувствую, как мои пальцы крепче сжимают бокал.

– Глупыми, неопытными детьми. Слишком много выпили. Смешали таблетки с алкоголем. Было темно. Поздно. То ли они стояли на путях, то ли бежали по ним, смеялись, накачавшись, и так и не поняли, что с ними случилось. А может, играли в детские игры – перепрыгивали через пути перед идущим поездом. В тысяча девятьсот семьдесят третьем именно так погиб Джимми Риччио. Не знаю, Нап. Но хотел бы знать. Да, я хотел бы знать, что случилось в точности. Страдала ли Дайана, или все кончилось в один миг. Повернулась ли она в последнюю секунду, осознала ли, что ее жизнь кончается, или она так и не поняла, что смерть пришла к ней. Понимаешь, моя задача, моя единственная задача состояла в том, чтобы защищать ее, а я отпустил ее тем вечером, а потому я хочу знать, было ли ей страшно тогда. Понимала

ли она, что умрет, а если понимала, звала ли меня? Звала ли своего отца? Надеялась, что я каким-то образом сумею ее спасти?

Я не шевелюсь. Не могу пошевелиться.

– Ты собираешься расследовать это? – спрашивает Оги.

Мне удастся кивнуть. Потом я выдавливаю из себя:

– Да.

– Наверно, тебе лучше делать это без меня. – Он возвращает мне альбом и выходит из комнаты.

Глава десятая

И я начинаю независимое расследование.

Звоню в медицинский центр «Эссекс-Пайнс», и на удивление быстро меня соединяют с одним из докторов Хэнка. Он говорит:

– Вы знаете закон об ответственности за разглашение медицинских сведений?

– Знаю.

– Поэтому я ничего не могу вам сказать о его состоянии.

– Я только хочу поговорить с ним, – возражаю я.

– Он амбулаторный больной.

– Я это понимаю.

– Тогда вы понимаете, что он здесь не находится.

Каждый изображает из себя умника.

– Доктор... извините, не расслышал вашего имени.

– Бауэр. А что?

– Хочу знать, кто мне крутит яйца.

Тишина.

– Я полицейский, и я пытаюсь найти Хэнка. Вы не имеете представления, где он может находиться?

– Ни малейшего.

– У вас есть его адрес?

– Он нам дал только свой почтовый ящик в Вестбридже.

И прежде чем вы спросите, напомню: есть правила, которые

запрещают мне говорить вам, что Хэнк обычно приходит в «Эссекс-Пайнс» от трех до пяти раз в неделю, но он не появлялся вот уже больше двух недель.

Две недели. Доктор Бауэр вешает трубку. Я не возражаю. У меня родилась другая мысль.

Я стою в сумерках у баскетбольных площадок рядом со стадионом перед вестбриджской школой и слушаю приятные звуки ударов мяча об асфальт. Передо мной великолепное зрелище, которое называется «стритбол». Здесь нет ни формы, ни тренеров, ни устоявшихся команд, ни судей. Иногда площадка ограничена белой линией, иногда сеточной оградой. Игра начинается чеком¹⁴ в верхней части трапеции. Победители играют следующий матч, фолы определяются самим нарушителем. Одни из игроков друзья, другие посторонние. Некоторые занимают высокие должности, а кое-кто едва сводит концы с концами. Высокие, низкие, толстые, худые, всех рас, убеждений, религий. На одном из игроков – тюрбан. Здесь допустимо все. Лишь бы ты умел владеть мячом. Кто-то спорит, другие помалкивают. Дети приходят играть по заранее составленному расписанию. Взрослые лиги живут по строгому распорядку. А это – стритбол – изумительно анархистский и архаичный антипод.

Я слышу ворчливые крики, игроки подбирают команду, дробное постукивание кефов. Играют десять человек – пять

¹⁴ Чек – одно из положений в стритболе.

на пять. За линией поля три человека ждут своей очереди. Подходит четвертый, спрашивает: «Вы следующие?» Игроки кивают.

Мне знакома приблизительно половина игроков. Некоторых я знаю по школе. Кое-кто – соседи. Вижу парня, который ведет городскую программу по игре в лакросс¹⁵. Многие из них работают в финансовом сообществе, но я вижу и двух школьных учителей.

Я не вижу Хэнка.

Когда игра подходит к концу – они играют до десяти по одному очку, – подъезжает машина со знакомым мне высоким человеком, он выходит из салона. Один из четырех ждущих кричит: «Сегодня с нами Майрон!» Остальные начинают улюлюкать и свистеть. Майрон в ответ застенчиво улыбается.

– Смотрите, кто вернулся! – кричит один из игроков.

Остальные присоединяются:

– Как прошел медовый месяц, Ромео?

– Ты не можешь выглядеть загоревшим, приятель.

– Ты должен был оставаться в помещении, если ты понимаешь мой намек.

Майрон на это отвечает:

– Да, я поначалу не врубился, но, когда ты добавил: «Если ты понимаешь мой намек», мне все стало ясно.

¹⁵ *Лакросс* – спортивная командная игра с использованием небольшого мяча и специальных клюшек.

Много добродушного смеха и поздравлений молодому.

Ты помнишь Майрона Болитара, Лео? Отец возил нас посмотреть, как он играет за школьную команду в Ливингстоне, только чтобы показать нам, что такое настоящее величие. Майрон считался закоренелым холостяком. Так я думал, по крайней мере. Но недавно он женился на телеведущей кабельного канала. Я все еще помню голос отца на трибуне. «Величие всегда стоит того, чтобы его увидеть», – говорил он нам. Такой была его философия. Майрон стал великим – громадной звездой в Университете Дьюка и кандидатом в НБА. И вдруг – раз, дурацкая травма, и он так и не стал профессионалом.

Я думаю, в этом есть свой урок.

Но здесь, на этих площадках, к нему все еще относятся как к герою. Не знаю, в чем тут дело – в ностальгии или еще в чем, но я их понимаю. Майрон и для меня тоже остается кем-то особенным. Мы теперь оба взрослые мужчины, но какая-то часть меня немного теряется и даже чувствует эйфорию, когда он оказывает мне внимание.

Я присоединяюсь к группе, приветствующей его. Когда Майрон подходит ко мне, я пожимаю ему руку и говорю:

– Мои поздравления по случаю бракосочетания.

– Спасибо, Нап.

– Но ты, сукин сын, бросил меня.

– Но у этого есть и положительная сторона: ты теперь самый крутой жених в городе. – Увидев что-то на моем лице,

Майрон отводит меня в сторону. – Что случилось?

– Я ищу Хэнка.

– Он сделал что-то не то?

– Нет, не думаю. Просто мне нужно с ним поговорить.

Хэнк обычно играет вечерами по понедельникам?

– Всегда, – отвечает Майрон. – Но тут никогда не знаешь, какого Хэнка будешь иметь.

– И что это значит?

– Значит, что Хэнк... мм... неустойчив в поведенческом плане.

– Клиника?

– Клиника, химическая разбалансировка, что угодно. Но слушай, не меня надо спрашивать. Меня больше месяца не было.

– Продолжительный медовый месяц?

– Если бы... – качает головой Майрон.

Он не хочет, чтобы я задавал ему естественный вопрос, да и у меня нет для этого времени.

– Так кто лучше всех знает Хэнка?

– Дэвид Рейнив. – Майрон подбородком указывает на красивого человека.

– Точно?

Майрон пожимает плечами и уходит на площадку.

Не могу себе представить две более разные судьбы, чем у Хэнка и Дэвида Рейнива. Дэвид был президентом Национального почетного общества в нашем классе, а теперь он

генеральный директор одной из крупнейших инвестиционных фирм в стране. Его можно было увидеть в телевизоре несколько лет назад, когда конгресс устраивал нахлобучку крупным банкирам. У Дэвида пентхаус на Манхэттене, но он и его школьная пассия, а ныне жена, Джилл воспитывают детей в Вестбридже. Вообще-то, у нас в пригородах нет знаменитостей – скорее уж все живут так, чтобы не отставать от соседей, – но, какой ярлык ни приклеивать, Рейнивы будут сливками нашего общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.